

Русско-крымские отношения в первые годы правления хана Гази-Гирея II (1588–1591 гг.) в контексте консолидации Крымского ханства по завершении династического кризиса Гиреев

На протяжении 80-х годов XVI столетия Крымское ханство пребывало в состоянии затяжного кризиса, получившего в историографии именование «династический кризис Гиреев». Иногда эти события именуется «династические распри Гиреев» [Беляков, 2011, с.59]. По мнению французских историков А.Беннигсена и Ш.Лемерсье-Келькеже, это было «смутное время кровавых внутренних войн между принцами-чингизидами династии Гиреев» [Восточная, 2009, с.220]. Сами представители политической элиты государства Гиреев устами Ахмед-паши-мурзы «Сулешева» – представителя виднейшего клана Яшлавских, дали этому периоду весьма точное определение – «ссора великая в Крымском юрте» [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.17, л. 60, 22, с.75].

Фактический ход событий этой «ссоры великой» прошел несколько периодов.

Открытое столкновение хана Мухаммад-Гирея II (1577–1584) с братьями Алп-Гиреем и Селамет-Гиреем произошло в 1581 году. Оба Гирея, покинув Крым, укрылись в пределах Речи Посполитой откуда, после вмешательства Порты, были отправлены в Стамбул к султану Мураду III. В начале 1583 года «царевичи» были возвращены в Крым и состоялось их формальное примирение с ханом. Однако уже в конце 1583 г. отказ хана Мухаммад-Гирея II выступить на персидский фронт привел к его открытому конфликту с Портой и создал условия для нового выступления против него его братьев. В начале 1584 года Мухаммад-Гирей II был смещен Портой и, после безуспешных попыток сопротивления османским войскам и мятежникам во главе с Алп-Гиреем и Селамет-Гиреем, вынужден был бежать из Крыма вместе с тремя сыновьями Сеадет-Гиреем, Мурад-Гиреем и Сафа-Гиреем. Во время бегства Мухаммад-Гирей II был схвачен и убит по приказу Алп-Гирея. Его сыновьям удалось вырваться из Крыма. [Виноградов, 2010, с. 277–281].

Тем не менее, все правление поставленного Портой вместо Мухаммад-Гирея II хана Ислам-Гирея II (1584–1588) прошло в условиях продолжавшейся «ссоры великой в Крымском юрте». Уже летом 1584 г. последовало вторжение сыновей погибшего Мухаммад-Гирея II в Крым. Главной силой вторжения были ногайские ополчения «Дивеева улуса» предводительствуемые своими беками Есинеем и Арсанеом – сыновьями знаменитого Дивея-мурзы. Мятежником удалось при активной поддержке части крымской знати захватить Бахчисарай. Старший сын Мухаммад-Гирея II Сеадет-Гирей был провозглашен ханом. Ислам-Гирей II сбежал в Кафу, где укрылся под защитой османских войск. Отпор мятежникам возглавил его брат калга Алп-Гирей, которому при активной поддержке прибывших на полуостров османских войск к осени 1584 года удалось изгнать их из Крыма. Однако Сеадет-Гирей и его братья не сложили оружия. Они отступили из Крыма со значительными силами и большим количеством сторонников из числа крымской знати. В их числе был весь клан Дивеевых – Арсанай-мурза с сыновьями и племянниками, часть клана Ширинов во главе с беком Кутлу-Гиреем, представители кланов Яшлавских – «князей Сулешевых» в лице Кошум-мурзы, Кулюковых – «князей Куликовых» в лице Пашая-мурзы и, наконец, всего клана «князей Перекопских» во главе с беками Заграпом и Сулешем. Сеадет-Гирей продолжал считать себя ханом. Он и его сторонники «казаковали» в непосредственной близости от Крыма, сначала в «Дивеевом», а затем в «Казыевом» улусах. Такая ситуация уже не раз возникала в истории «Крымского юрта». Но вскоре развитие событий приняло неожиданный оборот.

Династический кризис привел не просто к очередному «двоецарствованию» аналогичному военно-политическому противостоянию между Сеадет-Гиреем (I)¹ и Ислам-Гиреем I в 1532–1537 гг. На этот раз «альтернативный хан» Сеадет-Гирей (II) и его братья Сафа-Гирей и Мурад-Гирей во главе своих сторонников из числа крымской знати, вытесненные в 1585 году Алп-Гиреем «из под Крыма», оказались на территории Русского государства. Москва оказала «покровительство» изгнанным Чин-

¹ Сын Мухаммад-Гирея II Сеадет-Гирей как «узурпатор», не признанный Портой, не включается вплоть до настоящего времени в списки крымских ханов. В данном случае автор обозначает его как Сеадет-Гирей (II).

гисидам. Один из них – Мурад-Гирей – был торжественно принят в Москве и шертовал за себя и своих братьев царю Федору Ивановичу. Вскоре Мурад-Гирей был отправлен в Астрахань, где водворился со своим двором и под бдительным присмотром астраханских воевод и особо приставленных к нему «государевых людей», развернул бурную военно-политическую деятельность.

В историографии до сих пор нет единой точки зрения о том, какие реальные цели преследовало правительство Федора Ивановича, оказывая «покровительство» Гиреем и отправляя Мурад-Гирея в Астрахань. Судя по всему, одновременно рассматривалось несколько вариантов: вторжение в Крым, причем первоначально предполагалось установить контроль над «Казыевом улусом»; формирование в Нижнем Поволжье некоего государственного образования во главе с Мурад-Гиреем в качестве «кормомого Чингисида» с формальным подчинением ему Большой Ногайской Орды; создание во главе с Мурад-Гиреем военной группировки для похода на Речь Посполитую в случае разрыва перемирия с королем Стефаном Баторием; укрепление позиций Москвы на Кавказе, прежде всего использование «царевича» для установления протектората над Шамхалом [Беляков, 2011, с.213–216; Виноградов, 2011, с.142–187; Виноградов, 2010, с.283–298]. Тем не менее, «крымское направление» вплоть до середины 1587 года считалось главным. Летом 1587 года в Крыму реально опасались вторжения «альтернативного хана» Сеадет-Гинейя (II) при поддержке московской рати «с вогненным боем», но в Москве поход был признан нецелесообразным и отменен. Однако и без реализации планов вторжения на полуостров положение «Крымского юрта» в 1584–1588 г. стало критическим.

Крым стремительно терял контроль над зонами своего военно-политического влияния – «Казыевом улусом» и Западной Черкессией. Поддержка, оказанная сыновьям Мухаммад-Гирея II со стороны могущественного мангытского клана Дивеевых, фактически привела к политической дезинтеграции «Дивеева улуса». Ситуация усугублялась оттоком Больших Ногаев на «крымскую сторону» Волги. Помимо этого 80-е годы явились периодом активных нападений приднепровских казаков как на крымские улусы, так и на непосредственно османские владения.

Русское государство использовало ситуацию для усиления своего военно-политического влияния на Кавказе и в Большой Ногайской Орде. Москва активно поддерживала антикрымские операции приднепровского казачества. Речь шла о помощи военным снаряжением низовским атаманам братьям князьям Михаилу и Кириллу Ружицким. Эти действия усилились весной 1588 г., после получения известий о предполагаемом столкновении приднепровских казаков с силами Ислам-Гирея II, выступившими из Крыма. На Днепр был отправлен эмиссар русского правительства Ф.Л.Хрущев. Речь шла не только о помощи в организации «нападений запорожцев на Крым» [Nagielski, 2010, s.104]. В Москве по прежнему не исключали возможности вторжения Мурад-Гирея в Крым, в котором могли участвовать и приднепровские казаки. С момента водворения Мурад-Гирея в Астрахани в 1586 г. князь Михаил Ружицкий вел по этому поводу интенсивную переписку с воеводой кн. Ф.М.Лобановым-Ростовским. Ситуация усугублялась продолжающимся государственным кризисом в Речи Посполитой, связанным с затянувшимся «бескоролевьем» и борьбой за престол между избранными одновременно королями Жигимонтом Вазой и Максимианом Габсбургом.

Центральные власти Речи Посполитой не имели возможности влиять на действия казацкой верхушки, возглавляемой честолюбивым и амбициозным гетманом князем Михаилом Ружицким. На исходе 1587 г. ситуация в Преднепровье представлялась Порте критической. Хану Ислам-Гирею II был послан фирман с приказом лично выступить в поход за Днепр. Подобный шаг в условиях ногайского «исхода» в крымские улусы и истощением военных ресурсов «Крымского юрта» был вызван только крайней необходимостью. Хан Ислам-Гирей II предпринял свой первый и, как оказалось, последний военный поход.

В Крыму в это время находился русский гонец Иван Григорьевич Судаков-Мясной. Его статейный список является одним из главных источников драматических событий, развернувшихся в Крыму весной и летом 1588 года. Итак, в январе 1588 г. хан Ислам-Гирей II, сопровождаемый калгой Алп-Гиреем, выступил к Днепру. Общая численность крымцев достигала до 30000 человек. Османские войска приняли участие в походе 27 января, и Судаков получил сведения о том, что «паша ко царю пошел ис Кафы а с ним 500 человек янычар» [Статейный, 1891, с.67]. 19 февраля сведения подтвердились – было сообщено, что основные силы Крымской Орды во главе с ханом и османы во главе с Магмет-пашой двинулись к Каневу [Там же, с. 68]. Тем не менее, в действиях Порты были некоторые «странности»: Магмет-паша остановился «под Белым городом на реке на Днестре». Передовые отряды, возглавляемые его сыном, после первых столкновений с казаками

«все разбежались». Ислам-Гирей II в этих условиях «ждет указа от турского» [РГАДА, ф.123, оп.1, ед. хр. 17, л. 45 об.; Статейный, 1897, с.68].

6 апреля в Крым пришло известие о смерти Ислам-Гирея II [Там же, л. 46]. Внезапная смерть хана наводила на размышления: Ф.Лашков изящно отметил: «не известно болел ли раньше хан или с ним приключилось что-нибудь во время похода» [Статейный, 1897, с.47]. А.Беннигсен и М.Бериндей, со своей стороны, отметили, что «в начале апреля Ислам-Гирей внезапно умирает по всей вероятности от отравления» [Восточная, 2011, с.211]. Новым крымским ханом стал назначенный султаном брат Ислам-Гирея II Гази-Гирей, о чем Иван Судаков-Мясной был извещен 12 апреля [РГАДА, ф.123, оп.1, ед. хр. 17, л. 46 об.; Статейный, 1891, с.68]. Вынашиваемые в Москве различные замыслы «использования» «царевича» Мурад-Гирея исходили из продолжения нахождения «на Крымском юрте» «узурпатора» Ислам-Гирея II. Внезапная смерть, возможно убийство, этого хана положила начало потоку событий создавшую совершенно новую ситуацию.

Назначение Портой нового хана и его прибытие в Крым произошло стремительно: по сведениям русского гонца И.Судакова-Мясного, 6 апреля в Бахчире стало известно о смерти Ислам-Гирея II а 12 апреля уже о высадке Гази-Гирея II в Балаклаве. И.Г.Судаков-Мясной в своем статейном списке уделил много места смене власти в Бахчисарае. И не только потому, что само по себе это имело для Москвы исключительное значение в условиях нахождения на территории Русского государства «законного претендента» на крымский престол в лице Мурад-Гирея. Новый хан Гази-Гирей уже давно привлекал к себе пристальное внимание русской дипломатии и разведки.

Гази-Гирей давно уже являлся особой фигурой в «ссоре великой в Крымской юрте».

На протяжении нескольких лет к нему в Стамбул устремлялась та часть политической элиты Крыма, которая, видя явную неспособность Ислам-Гирея II вывести «Крымский юрт» из затяжного кризиса, не желала служить сыновьям Мухаммад-Гирея II. Ситуация еще более усложнилась после смерти в 1587 г. альтернативного хана Сеадет-Гирея (II), когда реальным претендентом на престол оказался находящийся в Астрахани Мурад-Гирей. Не случайно приставленные к Мурад-Гирею астраханские воеводы констатировали: «царевичевы люди ко царю и ко царевичу не поехали, а поехали те люди в Царьгород к Казы-Гирею царевичу» [РГАДА, ф.123, 1586 г., оп.1, ед. хр. 1, л.5].

Гази-Гирей при жизни отца, также как и Алп-Гирей и Мубарак-Гирей, воспринимался в Москве как один из «младших царевичей». Зафиксировано до 1577 г. три случая отправления ему грамот от имени Ивана Грозного – в сентябре 1563 г., в марте 1564 г. и в декабре 1570 г. [РГАДА, ф.123, оп. 1, ед. хр. 10, лл. 226–226 об., 410–410 об.; ед. хр. 13, лл. 363 об.–364]. Также три раза в Москву доставлялись послания Гази-Гирея – в сентябре 1563 г., в марте и сентябре 1566 г. [РГАДА, ф.123, оп.1, ед. хр. 10, лл. 179–180; ед. хр. 12, лл. 105–105 об., 262 об.–267 об.]. В донесениях русских дипломатических представителей в Крыму Гази-Гирей впервые фигурирует с момента смерти отца – в августе 1577 г. он вместе с Алп-Гиреем прибывает в Бахчисарай с тем, чтобы принести клятву верности Мухаммед-Гирею II [РГАДА, ф.123, оп.1, ед. хр.15, л.43 об.]. После этого Гази-Гирей постепенно все более часто начинает упоминаться в донесениях из Крыма. Так, летом 1578 г. он находился вместе с братом Мубарак-Гиреем на Молочных Водах и участвовал в принудительном изъятии «поминоку» у посольства князя В.В.Масальского [РГАДА, ф.123, оп.1, 1579 г., ед. хр. 1, л.18]. На авансцену Гази-Гирей начал выдвигаться примерно с 1578–1579 гг., когда вместе с братьями отправился на иранский фронт. Он участвовал в Шамахинском сражении в ноябре 1578 г. Источники показывают, что в сражении Крымской Ордой командовали три «царевича» – калга Адыл-Гирей, Гази-Гирей и старший сын Мухаммад-Гирея II Сеадет-Гирей [Казы-Гусейн, 2005, с.58]. В ходе ирано-турецкой войны в 1581 г. Гази-Гирей попал в плен к персам. Среди детей Девлет-Гирея Гази-Гирей прославился особо благодаря своему семилетнему заключению в персидском плену в крепости Каггада (Кахаки), откуда он совершил сенсационный побег [Гайворонский, 2007, с.213]. Дальнейшие приключения Гази-Гирея имеют много версий. По одной он добровольно сдался шаху, который назначил его правителем одной из провинций. Однако Гази-Гирей вынашивал замыслы сделаться самостоятельным правителем и в конечном итоге под угрозой гибели вынужден был бежать к османам. По другой версии причиной бегства Гази-Гирея были его «галантные похождения» при дворе шаха. В марте 1585 года русский гонец в Крыму И.Судаков Смирной получил о нем от «крымского татарина Исмаила Али» следующие сведения: «Взят был в Кызылбашех в полон крымский царевич Девлет-Киреев сын Казы-Гирей царевич. И его сказали в Кызылбашех убили. А ныне весть подлинная до царя (хана Ислам-Гирея) дошла, что Казы-Гирей царевич в Кызылбашех жив, а кызылбашский шах дал за него свою дочь и учинил его царем, дал ему город Кенжу на рубеже с турского границы за Кур (Курою) рекой» [РГАДА, ф.123, оп.1,

ед. хр.16, лл.17 об.–18]. Венгерская исследовательница М.Иваниш, основываясь на Хрониках Халим-Гирея, считает, что «Гази-Гирей был заключен в течение семи лет в замке Кахаки, пока наконец, он успел избежать в одежде дервиша, и добраться до Эрзурума» [Ivanis, 1994, s. 56]. Затем он попал в Янболу, в румелскую резиденцию «семи Гиреев» – обычное место пребывания находящихся «под рукой» у Порты «царевичей» Гиреев. Как бы то ни было, в конечном итоге он оказался в Стамбуле, где быстро стал любимцем «хандыкерева величества».

Уже в 1586 году слухи о благоволении султана к сбежавшему от «кызылбашского» Гази-Гирею гуляли от Днепра до Волги и от Бахчисарая до Москвы. Накануне прибытия осенью 1586 г. в Астрахань Мурад-Гирея воевода кн. Ф.М.Лобанов-Ростовский доносил государю Федору Ивановичу о том, что он получил сведения из Запорожья от кн. Михаила Ружицкого, который, в свою очередь, добыл их у взятых им при набеге на крымские улусы пленных: «И те языки и все полоняники сказали, что турецкий султан посылает на кизилбаши Казы-Гирея царевича, который был в кызылбашех, а с ним турецких людей восемьдесят тысяч, а идти им на Крым, да с ним вместе Алп-Гирею царевичу [РГАДА, ф.127, оп.1, 1586 г., ед.хр. 13, л.73]. Понятно, какой эффект производили подобные слухи в Крыму – перспектива водворения нового хана в таком случае была неменюемой – «крымские де люди все в сумненье бегают» отмечал кн. М.Ружицкий. Замечательно, что астраханские воеводы немедленно отписали «о княж Михайловых вестях» Ружинского «к царю Саадет-Кирею и к царевичу Сафа-Кирею и к шевкалу князю и к ногайским мирзам» [Там же, л.75]. Слава Гази-Гирея, таким образом, росла и ширилась не без помощи русского правительства.

Нет оснований сомневаться в том, что уже тогда Гази-Гирей был фигурой действительно незаурядной. Как отмечает В.Д.Смирнов, к этому времени «это был очень ловкий и опытный человек» [Смирнов, 2005, т.1, с.331]. Становление Гази-Гирея как незаурядного политика и дипломата относится к именно годам его пленения у «кызылбашского», когда он продемонстрировал стратегическое чутье, связавшись с бежавшими из Крыма детьми Мухаммад-Гирея II. Первые сведения о контактах Гази-Гирея с «царевичами» зафиксировал в своем статейном списке русский гонец в Крым И.Судаков-Мясной в мае 1585 г. Согласно полученной им информации, в период пребывания Сеадет-Кирея и Сафы-Кирея «в Черкасах, в Кумыках» «Казы-Гирей царевич Девлет-Гиреев царев сын прислал к царевичам человека своего с поминками, велит царевичам к кызылбашскому царю и к себе» [РГАДА, ф.123, оп.1, ед. хр.16, л.24 об.]. В многочисленных донесениях астраханского воеводы кн. Ф.М.Лобанова-Ростовского о событиях в Астрахани, Ногайской Орде и в Крыму также постоянно упоминаются связи Гази-Гирея с племянниками и его вражда к правящему хану. В отписке от 18 ноября 1586 г., например, указано: «Казы-Гирей царевич с Ислам-Гиреем царем в недружбе, а хочет быть в соединении с Саадет-Гиреем царем» [РГАДА, ф.123, оп.1, 1586 г., ед.хр.1, л.6]. Донесение содержит интересные детали жизни Гази-Гирея при султанском дворе. Он позволял себе третировать посланного ханом Ислам-Гиреем к султану нураддина Мубарак-Гирея. Последний увидел в свите Гази-Гирея крымских эмигрантов – «Саадет-Киреевых людей» и хотел их «побити». «Казы Гирей деи царевич побити их не дал и за то деи Казы-Гирею царевичу с Мубарак-Гиреем царевичем брань сталася» [Там же, л.6].

Мубарак-Гирей, между прочим, был послан ханом Ислам-Гиреем II «проведовати» о возможном водворении Гази-Гирея с османскими отрядами в Кафе, якобы для следования через Азов в Дербент для сопровождения «казны». Мубарак-Гирей стал на диване у султана доказывать, что «только деи казну отпустишь с Казы-Гиреем царевичем, он деи пристанет к Саадет-Кирею царю з братьею и племянником своими казну твою деи им отдаст». На это Гази-Гирей ответил султану «коли деи Мубарке-Гирей царевич так говорит, и ты деи казну давай им вести» [Там же, л.3]. В итоге от отправке «казны» отказались, также отказались и от идеи отправить Гази-Гирея на иранский фронт. Он оставался в Стамбуле до весны 1588 года, примечая эмигрантов из Крыма, в том числе небезызвестного бека Дербыша Кулюкова, и ссылаясь с племянниками.

Постепенно вырисовывалась интересная закономерность: уцелевшие в самом Крыму и на сопредельных территориях сторонники «царевичей» стремились не к «законному царю» Сеадет-Гирею и не в Астрахань к Мурад-Гирею, а в Стамбул – к Гази-Гирею. Тем не менее, связям Гази-Гирея с племянниками Москва не препятствовала.

Интересно, что сами астраханские воеводы постоянно докладовали в Москву, как они исправно доносили до «царевичей» «вести» о Гази-Гирее. Вероятно, до времени в Москве не считали Гази-Гирея самостоятельной политической фигурой. Не предполагали, судя по всему, и то, что «царьградскому сидельцу» удастся расколоть «единый фронт» племянников.

При отношении Гази-Гирея к «царевичам» надо иметь ввиду тесные дружественные отношения, которые сложились у него с Сафа-Гиреем в период их походов в Закавказье. В Москве этому, судя по всему, не придавали значения и быстрого появления в Крыму, после воцарения там Гази-Гирея, Сафа-Гирея во главе большого количества эмигрировавшей знати явилось для руководителей русской дипломатии весьма неприятным сюрпризом.

Крымские источники объясняли занятие Гази-Гиреем престола исключительно любовью к нему султана Мурада III, «который так полюбил этого талантливого человека, что дал ему слово непременно сделать его ханом и упрочить власть за детьми его» [Смирнов, 2005, т.1, с.331]. Факт определенного благоволения к Гази-Гирею султана не подлежит сомнению, но русская разведка и дипломатия в Крыму и в Астрахани, как уже отмечалось, обратила внимание и на другой фактор, объясняющий быстрое водворение в Крыму Гази-Гирея после смерти Ислам-Гирея – активные контакты с крымской знатью и даже с крымской эмиграцией, группирующейся вокруг сыновей хана Мухаммад-Гирея II. Не исключено, что Гази-Гирей дал султану некоторые обязательства урегулировать проблему «царевичей».

Смена Ислам-Гирея II Гази-Гиреем готовилась в Стамбуле задолго до весны 1588 года. Знаменательно, что введенные в научный оборот французскими ориенталистами Ш.Лемерсье-Келькеже и А.Беннигсеном документы из османских архивов свидетельствуют, что султанский фирман «к эмирам и знати татарского народа» о назначении Гази-Гиреем ханом был составлен в апреле 1587 года. В этом замечательном документе Гази-Гирей характеризуется как «обладатель верности и удачи», имеющий «отточенность мысли и действий» и «ангельские добродетели», что, несомненно, свидетельствует о благоволении к нему «Аллаха всемилостивейшего и всемилосерднейшего» [Восточная, 2009, с.254]. Подробно описывается лишения Гази-Гирея, которые он претерпел в персидском плену, его успешный побег, доблесть, проявленная под Тебризом под командованием великого вельра Осман-паши [Там же, с.254]. Султан подчеркивает верность Гази-Гирея¹. В сопроводительном послании великому везиру предписано быть готовым оказать содействие занятию Гази-Гиреем престола по получении «слова» султана [Там же, с.254].

Водворение Гази-Гирея в Бахчисарае оказалось неожиданным для Русского правительства. Поток событий, последовавших после смерти Ислам-Гирея II, развивался столь стремительно, что русская дипломатия и разведка не успевала давать оценку новой ситуации. Следует учитывать, что после событий 1584 г., когда в Бахчисарае последовательно водворялись три хана (Ислам-Гирей II, Сеадет-Гирей (II) и вновь Ислам-Гирей II) в Москве очень осторожно воспринимали смену власти в «Крымском юрте».

Первоначально воцарение Гази-Гирея II не сказалось на планах русского правительства в отношении Мурад-Гирея. Уже после получения известий о воцарении Гази-Гирея в Иран было отправлено посольство во главе с Г.Васильчиковым. В октябре 1588 г. Г.Васильчиков подробно изложил появление Мурад-Гирея в Астрахани: «приехали к великому государю нашему из Крыма, оставя свое государство Крым, крымский Саадет-Кирей царь и братья его Мурат-Кирей царевич да Сафа-Кирей царевич, и били челом государю нашему, чтоб государь... их пожаловал держал их в своем государевом жаловании под свое царскою рукою... и велел им бытии в своей государевой вотчине в Астрохани» [Памятники, 1890, т.1, с.52]. Таким образом излагается точка зрения, согласно которой Москва оказала покровительство законному хану и его братьям, которые все вместе (а не конкретно Мурад-Гирей) должны были пребывать в Астрахани. Далее излагались события, приведшие к некоторым изменениям среди принявших царское покровительство Гиреев: «И Божьим судом Саадет-Кирей царя в государя нашей вотчине в Астрахани не стало в его мусульманской вере. А после его осталась царица, да сын его Кума-Гирей царевич и государь наш брата его Мурат-Кирей царевича и Саадет-Кирей царя царицу и сына его Кума-Гирей царевича пожаловал, велел им бытии по томуж в своей государевой вотчине в Астрохани и от веры их от своей государь наш не отводил» [Там же, с.52–53]. Таким образом, Г.Васильчиков декларировал «преемственность власти» среди эмигрировавших Гиреев. Правда, Сафа-Гирей из их числа исчезает – будто его и не было. Далее объясняются цели пребывания Мурад-Гирея в Астрахани. «А хочет государь наш Мурат-Кирей царевича посадить из своих царьских рук царем на Крыме» [Там же, с.53]. Так декларируется основная задача Мурад-Гирею. Отметим, что подобная «политическая декларация»

---

¹ Характерно, что после бегства из персидского плена Гази-Гирей сначала отправился в Костоман, в ставку Осман-паши, а потом уже в Стамбул.

Москвы в русской посольской документации присутствует только в отношении Ирана. Г.Васильчиков показывает исключительно устойчивое положение Мурад-Гирея в Астрахани: «А Ногайский Урус князь и вся ногайская орда в Казыеве улусе все государю нашему служат и посылают царевичу Мурад-Кирею и государя нашего астраханского воеводам о всяких о расправных делах» [Там же, с.53]. Далекая от реальности картина полного подчинения Мурад-Гирею Малых и Больших Ногаев является прелюдией к развернутому повествованию об успешной постройке «города на Тереке» для помощи «Кызылбашскому государю» против «турских людей» [Там же, с.54]. Далее Васильчиков развивает эту тему дополняя ее впечатляющей картиной как из городка на Тереке государевы воеводы и Мурад-Гирей будут «промышляти над турскими и над крымскими людьми» [Там же, с.61]. Таким образом, в Гиляре русский посол дает понять, что смена хана в Крымуне будет иметь никаких последствий для осуществления планов русского правительства на Нижней Волге и на Кавказе.

Во время пребывания в Иране смену хана в Крыму Васильчикову игнорировать весьма затруднительно, а фигуру Гази-Гирея II, оставившего там «большую память», невозможно. На прямой вопрос шахского сановника Ферганы-хана, что думают в Москве о водворении Гази-Гирея «на Крымском юрте», Васильчиков нехотя отвечал, что в момент его отъезда «слух был в государстве государя нашего, что крымский царевич Казы-Кирей на Крыме царем учинился и ныне на Крыме» [Там же, с.78]. Однако затем Васильчиков вновь пространно излагает историю появления «царевичей» в Астрахани, напоирая на устойчивое положение там Мурад-Гирей [Там же, с.78–79].

Таким образом, первоначально русская дипломатия, по крайней мере, на иранском направлении, не придавала серьезного значения смене власти в Крыму, однако вскоре Москва вынуждена была изменить свою позицию. Это произошло по мере того, как становилось известно о мерах Гази-Гирея по консолидации «Крымского юрта».

В отечественной и зарубежной историографии неоднократно высказывалась точка зрения о том, что Гази-Гирей II заранее имел план действий, в случае занятия им бахчисарайского престола. Как отмечает А.А.Новосельский, «Казы Гирей поставил первой своей целью привести в порядок внутренние дела Крыма и восстановить крымское влияние в ногайских ордах, нарушенное в предшествующие годы» [Новосельский, 1948, с.36].

Действительно, действия нового хана были продуманными и весьма эффективными. Они осуществлялись последовательно, с учетом позиции Порты, интересов различных группировок политической элиты Крыма и сложившейся ситуации с пребыванием в Астрахани Мурад-Гирея.

На первых порах новый хан действовал очень осторожно, и только после того как в мае 1588 г. ему удалось вернуть в Крым Сафа-Гирея и значительную часть приверженцев «царевичей» из числа крымской знати, политика консолидации «Крымского юрта» стала осуществляться в полном объеме. При этом Гази-Гирею II пришлось столкнуться с серьезными трудностями как в плане династической ситуации, так и расстановки сил в правящих верхах, не говоря уже о серьезнейших проблемах в отношениях с двумя основными внешнеполитическими оседами – Речью Посполитой и Русским государством. Все это усугублялось «ногайским исходом» на «крымскую сторону» Волги и полной дестабилизацией «Казыева улуса».

Династическая ситуация складывалась для Гази-Гирея весьма непросто, что было естественным следствием «смутного времени». Прибыв в Бахчирай в апреле 1588 г., Гази-Гирей сделал калгой Селамет-Гирея, нураддином – Фетх-Гирея. Ситуация в семье Гиреев оставалась неопределенной. Из ханских братьев Алп-Гирей и Мубарак-Гирей бежали «к турецкому», Селамет-Гирей и Фетх-Гирей покорились новому хану. Однако, если Селамет-Гирей, принявший пост калги находился в Бахчисарае, то Фетх-Гирей отсиживался в Кафе. При этом, если бывший при Ислам-Гирее II калгой Алп-Гирей бежал в Стамбул из Очакова, куда он прибыл после смерти старого хана, то оставшийся в этот момент в Крыму Мубарак-Гирей сразу, при известиях о скором прибытии Гази-Гирея на полуостров, сбежал в Керчь, отказавшись принять участие в церемонии его интронизации [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр. 17, л.52.; Статейный, 1891, с.71].

Перед интронизацией было объявлено о женитьбе хана на вдове Мухаммад-Гирея II Хан-Тутай: «А Сафа-Кирея царевича мать царевичу царицу царь взял за себя для того, чтобы царевич ехал к царю бесстрашно» [РГАДА, ф.123, оп.1, ед. хр. 17, л.48.; Статейный, 1891, с.69]. Мать старших сыновей Мухаммад-Гирея II Сеадет-Гирея и Мурад-Гирея с 1584 года «была заперта» в Чуфут-Кале – «жидовском городе», где она пребывала под охраной караимов. Вместе с ней, как она в дальнейшем извещала в своих посланиях царя Федора Ивановича, пребывали трое сыновей и трое дочерей Сеадет-Гирея (II) [Там же, л.93]. Женитьба на Хан-Тутай было хорошо просчитанным

ходом нового хана: согласно обычаям левиата, он становился опекуном трех «царевичей» – сыновей Сеадет-Гирея и «отчимом» Мурад-Гирея. Гази-Гирей II действовал быстро. Один из эмиссаров хана Зин ага отправился к Сафа-Гирею, другой – Магмут ага – в «астроханский юрт» Мурад-Гирея. Сафа-Гирей, уже давно находившейся в ссылках с находящимся тогда в Стамбуле Гази-Гиреем, принял решение быстро.

24 мая состоялось его триумфальное вступление в Бахчисарай с частью служившей «царевичам» крымской и ногайской знати, за которым последовала резня сторонников умершего хана¹. По существу это был новый переворот. Пробывший месяц калгой Селамет-Гирей, еще недавно позиционировавший себя перед И.Судаковым-Мясным как «второй человек» в «Крымском юрте», еле успел унести ноги в Кафу и далее «за море к турецкому». Калгой стал Фетх-Гирей, нураддином – Сафа-Гирей.

Возвращение Сафа-Гирея резко изменило династическую ситуацию. В Крыму он оказался ключевой фигурой. Калга Фетх-Гирей активности не проявлял. Собственные дети Гази-Гирея не могли служить ему опорой ввиду малолетства. В весьма юном возрасте были и оказавшиеся в распоряжении Гази-Гирея сыновья «незаконного хана» Сеадет-Гирея – Девлет-Гирей, Бахты-Гирей и Селамет-Гирей. Автор предполагает, что они были освобождены из «жидовского города» вместе с Хан-Тутай, а не «кочевали в астраханских степях и на Северном Кавказе», как считает А.В.Беляков [Беляков, 2011, с.59]. Другие сыновья Сеадет-Гирея, вероятно младшие, судя по всему находились вне контроля Гази-Гирея. Кумо-Гирей пребывал с отчимом Астрахани, или возможно, как полагает А.В.Беляков, в Москве на положении заложника [Там же, с.286]. Мухаммад-Гирей, пребывавший на Северном Кавказе, прибыл в Крым позднее. Следует отметить, что его гонец прибыл в Москву только в 1590 г. Местопребывание Бибадши-Гирея неизвестно. Возможно, что к 1588 году его уже не было в живых. В любом случае большинство пребывающих в распоряжении нового хана «царевичей», кроме Сафа-Гирея и Фетх-Гирея, не были пригодны к реальному выполнению военных и политических функций по управлению «юртом». Зато враги нового хана из числа Гиреев находились в расцвете сил.

В распоряжении Порты оказалось сразу три возможных претендента на престол – Селамет-Гирей, Алп-Гирей и Мубарак-Гирей. Из трех братьев Гази-Гирея наибольшую активность проявлял Алп-Гирей, который был сослан в Адрианополь, затем во Врочев, но скоро стараниями великого везира Синан-паши возвращен в Стамбул. Весной 1589 г. под влиянием известий о страшных нападениях запорожских казаков на турецкие суда, в том числе и на перевозивших в Крым чаушев Порты, в окружении султана стали раздаваться голоса о смещении Гази-Гирея II и замене его Алп-Гиреем. Главный противник хана был Синан-паша. Благодаря «распоросу» в августе 1589 г. посольскими дьяками в Москве весьма информированного эмиссара «царевича» Мурат-Гирея в Бахчисарае Мамай-мурзы русское правительство узнало важные подробности заседания дивана в Стамбуле, по которым обсуждался «крымское дело». Попытки Синан-паши добиться смещения Гази-Гирея II и замены его Алп-Гиреем были блокированы на диване мощной группировкой сановников во главе с Ибрагимом Шихом, который в своей речи достаточно реалистично изложил последствия смены хана: «и большая кровь взольется да и оприч того Крым совсем разориться» [РГАДА, ф.123, оп.1, ед. хр. 17, л.337]. В результате султан заявил, что Синан-паша «не прямо говорит да и воротить послал Алп-Кирея царевича в Врогчев где он преж сего жил» [Там же, лл.337–337 об.]. Тем не менее, само по себе пребывание Алп-Гирея «под рукой у турецкого» отравляло жизнь Гази-Гирею II вплоть до конца его царствования.

Уже в 1590 г. в Бахчисарае были получены известия о том, что «турский салтан учинил царем на Крыме Алп-Кирея царевича» [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.19, л.49 об.]. В течение 1590–1591 гг. русская дипломатия и разведка получила множество сведений о возможной смене Гази-Гирея на крымском престоле именно Алп-Гиреем. По сведениям крымских гонцов, опрошенных в Посольском приказе в феврале 1591 г., именно угроза династического кризиса сорвала посольский размен с Москвой, предполагавшейся летом 1590 г., так как хан побоялся отпускать из Бахчисарая ответственного за него Моллакая-Аллея аталыка [Там же, л.52 об.]. В статейном списке русского гонца И.Бибикова, прибывшего в Крым в конце 1590 г., содержалась следующая весьма красноречивая информация: «А царь деи Казы-Гирей, блюдетца Алп-Кирея царевича, что будто турецкий

¹ И.Судаков-Мясной приводит впечатляющий список вступивших в этот день с Сафа-Гиреем в Бахчисарай представителей крымской и ногайской знати, среди которых следует особо отметить беков Арсаная Дивеева, Кутлу-Гирея Ширинского и Сулеша Перекопского – главных организаторов переворота.

царь хочет учинить на Крыме царем Алп-Кирея царевича» [Там же, лл.108 об.–109]. В феврале 1591 года при «расспросе» крымских гонцов в Посольском приказе об этом уже говорилось как о вопросе нескольких месяцев: «И житие деи у царя Казы-Гирея от Алп-Кирея со страхованием с великим» [Там же, л.52 об.]. Итак, фактор пребывания возможных претендентов на престол в Стамбуле реально препятствовал консолидации «Крымского юрта» Гази-Гиреем II, особенно учитывая проблему пребывания Мурад-Гирея в Астрахани.

Серьезную проблему для Гази-Гирея II представляла и «расстановка сил» в правящих верхах. Политическая элита Крыма была расколота. Меньшинство сохраняло до последнего верность Ислам-Гирею II и явно желало назначения новым ханом Алп-Гирея. Большинство занимало выжидательную позицию. Существовали три «очага» эмиграции – в Стамбуле у Гази-Гирея, в Астрахани и, частично, в Москве – у Мурад-Гирея и у Сафа-Гирея, «казаковавших» вместе с ним в Дешт-и-Кипчаке.

Из Стамбула в Крым Гази-Гирея сопровождала большая группа сторонников. Из них наиболее выделялись Моллакай Аллей аталык и бек Дербыш Кулюков. Первоначально большая группа «ближних царевых людей» Ислам-Гирея оставалась в Крыму. Среди них наиболее влиятельными были беки Алей Ширинский (карача-бек Ширинов) и Мурад Яшлавский («князь Сулешев»). После майских событий 1588 г. ситуация изменилась. Возвращение Сафа-Гирея сопровождалось резней сторонников Ислам-Гирея. Часть из них, в том числе бек Алей Ширинский, успела сбежать в Кафу [РГАДА, ф.123, оп.1, ед. хр. 17, лл.64 об.–65; ИТУАК, №14, с.77]. Мурад Яшлавский остался в составе дивана. Клан Яшлавских вообще всегда проявлял политическую изворотливость. Брат Мурата Ахмед-паша получил ту же должность аталыка при сыновьях калги Фетх-Гирея, которую он занимал при калге Ислам-Гирея II Алп-Гирее. В диван были введены вернувшиеся с Сафа-Гиреем именитые эмигранты – беки Кутлу-Гирей Ширинский, Арсанай Дивеев, Сулеш и Заграп – «князья Перекопские». Впрочем Арсанай Дивеев, восстановленный в ранге карача-бека крымских мангытов, большую часть времени занимался «обустройством» своего улуса и не часто появлялся в Бахчисарае. Уже с мая 1588 г., согласно донесениям И.Г.Судакова-Мяснова, стала вырисовываться расстановка сил в ханском диване. Главную роль там играли Сафа-Гирей и «первый министр» Моллакай Алей аталык. Калга Фетх-Гирей пока держался «в тени», демонстрируя лояльность брату. Беки Кутлу-Гирей Ширинский, Дербыш Кулюков и Мурад Яшлавский («князь Сулешев») имели влияние, но уступали Моллакаю Аллею аталыку. Вплоть до 1591 года расстановка сил в «ближней царевой думе» оставалось неизменной. Лидирующую роль играли Моллакай Аллей аталык, беки Кутлу-Гирей Ширинский, Дербыш Кулюков, Мурад Яшлавский и Арсанай Дивеев. Их гонцы в Москву получали право на получение «встречного жалования» по первым статьям, присутствовали на всех аудиенциях ханских гонцов у государя. Им посылались «поминки» и «жалование» как от имени царя Федора Ивановича, так от имени Б.Ф.Годунова [Виноградов, 2010, с.408–410]. Наиболее тесные связи с Москвой, в силу исторически сложившихся обстоятельств, были у беков Мурада Яшлавского и Дербыша Кулюкова – претендентов на наследственное «амиатство» в отношениях с Русским государством [Виноградов, 2006, с.26–73]. Среди «царевых ближних людей» не прекращалась борьба за установление контроля над дипломатическими связями Крыма с Русским государством и Речью Посполитой с целью получения «материальных преимуществ» при получении «поминок» и «жалования». Серьезную потенциальную угрозу политике Гази-Гирея II представляли возобновившиеся амбиции Дивеевых, стремившихся восстановить свое положение, существовавшее при Девлет-Гирее I. Кроме того, в политической элите Крыма за годы «ссоры великой» накопились многочисленные личные счеты по отношению друг к другу. Существовало и раздражение знати против «первого министра» Моллакай Аллея аталыка.

Таким образом, хотя формально династический кризис Гиреев завершился в мае 1588 г., с возвращением в Крым Сафа-Гирея во главе большей части крымской эмиграции, до преодоления его последствий требовалось длительное время. Гази-Гирею необходимо было контролировать династическую ситуацию, расстановку сил среди своих «ближних людей» и учитывать возможность своего смещения с престола Портой.

Главным условием консолидации «Крымского юрта» для Гази-Гирея II в условиях наличия у Порты претендентов на престол являлась проблема пребывания в Астрахани Мурад-Гирея. Отношения с Москвой подчинялись ханом главной цели – восстановлению военно-политического потенциала Крымского государства. В этом контексте первоочередными задачами крымской дипломатии являлись:

– возвращение в Крым Мурад-Гирея и оставшейся крымской эмиграции;

- прекращение помощи со стороны Москвы приднепровскому казачеству;
- противодействие усилению московского влияния на Кавказе.

В долгосрочной перспективе Гази-Гирей рассчитывал на возобновление войны между Речью Посполитой и Русским государством.

Сложная дипломатическая игра, развернувшаяся между Москвой и Бахчисараем с лета 1588 г. по начало 1591 г., в конечном итоге привела к самому крупному после походов Девлет-Гирея I 1571–1572 гг. крымскому вторжению в центральные области Русского государства. При этом обе стороны на протяжении всего этого времени декларируют желание «дружбы» и «доброго дела». Военное столкновение действительно изначально не входило в планы обеих сторон, но к нему неизбежно вели неразрешимые противоречия. Главным являлось то обстоятельство, что Москва упорно не хотела выпускать из своих рук Мурад-Гирея.

В целом, в 1588–1591 гг. отношения между Крымом и Русским государством прошли несколько динамично сменяющих друг друга периодов. С лета 1588 г. по весну 1589 г. обе стороны проводили в отношении друг друга осторожный зондаж. Летом 1589 года Гази-Гирей пытался добиться «прорыва» в отношениях с Москвой, предприняв ряд серьезных дипломатических ходов. Однако обстоятельства сложились так, что эти шаги не привели к успеху, и наступил период неопределенности, продолжавшийся с осени 1589 года по лето 1590 года. С лета 1590 года начинается период резкого ухудшения двусторонних отношений, принявший примерно с января 1591 года необратимый характер.

Дипломатические связи между Москвой и Крымом с лета 1588 г. по начало 1591 г. носили весьма интенсивный характер. В Москву прибыло пять крымских дипломатических миссий – Апсоллом Моллы (в августе 1588 г.), Казан аги (в декабре 1588 г.), Аллаш Богатыра (в октябре 1589 г.), Аллабердея-мурзы (в июле 1590 г.) и бека Иссея (в январе 1591 г.). Кроме того, летом 1589 г. прибыло посольство бека Абдуллы Кипчакского, но его прием не был осуществлен ввиду смерти посла. В Крым из Москвы было отправлено четыре дипломатические миссии – Ивана Мишулина (в ноябре 1588 г.), Петра Зиновьева (в апреле 1589 г.), Ивана Грязнова (в ноябре 1589 г.), Ивана Бибикова (в октябре 1590 г.). Кроме того, летом 1590 г. снаряжалось, но не было отправлено посольство во главе с казначеем Иваном Васильевичем Траханиотовым и дьяком Афанасием Демьяновым.

Возобновление русско-крымских связей произошло быстро. В момент воцарения нового хана, как уже говорилось, в Бахчисарае находился И.Судаков-Мясной. Первоначально Гази-Гирей II хотел «отпустить» его до появления в Крыму Сафа-Гирея, однако опытный русский гонец затягивал свой отъезд из Крыма, дожидаясь развития событий. Потом возникла проблема «легитимности» русского гонца, посланного, как известно, к умершему Ислам-Гирею II. В конечном итоге, И.Судакову-Мясному была дана официальная аудиенция. Кроме того, русский гонец имел ряд встреч с Сафа-Гиреем и Моллакаем Алеем аталыком, на которых была обозначена позиция нового хана по отношению к проблеме Мурад-Гирея. В конце июня 1588 г. И.Судаков-Мясной был отпущен в Москву. С И.Судаковым-Мясным в Москву был отправлен гонец Апсоллом Молла. С ним Гази-Гирей II направил послания Федору Ивановичу и фактическому правителю Русского государства Б.Ф.Годунову [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.17, лл.76 об.–80; ед.хр.18, лл.3–6]. Это был новый шаг в дипломатических «ссылках» Бахчисарае и Москвы, показывающий, что новый хан был готов к использованию нетрадиционных форм дипломатических связей. В дальнейшем обращение напрямую к Борису Федоровичу Годунову стало отличительной чертой дипломатии Гази-Гирея. Впрочем, это лежало и в русле складывающихся во второй половине 80-х гг. аналогичных форм прямого обращения к фактическому правителю Русского государства польско-литовской, османской и иранской дипломатий.

В своих посланиях государю и фактическому правителю государства Гази-Гирей II либо открыто декларировал, либо давал понять в закамуфлированной форме следующие пункты:

- его назначение ханом состоялось при условии достижения им «мирного решения» астраханской проблемы;
- в случае продолжения пребывания Мурад-Гирея в Астрахани, возможно возобновление планов нового османского похода в Нижнее Поволжье;
- проблема пребывания Мурад-Гирея в Астрахани является главной для урегулирования русско-крымских отношений;
- вопрос о возвращении Мурад-Гирея в Крым желательно решить в рамках посольского размена и заключения очередного русско-крымского «докончания»;

– в доказательство стремления крымской стороны к «доброму делу» набеговая активность крымцев не будет распространяться на московские «украины»;

– в условиях недовольства Порты усилением активности запорожского казачества имеется возможность организовать крупные походы крымцев «на нашего недруга на литовского короля», что, отвечает интересам Москвы, однако для этого хану необходимы «запросные деньги»;

– для «утверждении дружбы и братства» в ходе очередного посольского размена необходима активизация дипломатических контактов, что поразумевало ежегодные посольские размены с направлением в Крым «поминок»;

Политическая линия Гази-Гирея II в отношении Москвы была хорошо продуманной. Она учитывала позицию Порты. Это подтверждают введенные в научный оборот А.Беннигсенем, М.Берендеем, Ш.Лемерсье-Келькеже документы из османских архивов и донесения европейских дипломатов из Константинополя. Напомним, что уже после отправления крымских гонцов в Москву, в августе 1588 г., последовали «концентрация войск семи санджабеев (Тырхала, Кестендиль, Аладжа, Хисар, Нигболу, Силистрия, Видин, Аккерман), призыв к воеводам Молдавии и Валахии, отправка пяти галер и письма с угрозами в отношении польского короля» в ответ на нападения приднепровских казаков на османские владения в районе Бендера [Восточная, 2011, с.212]. В том же августе хан получил санкцию Порты на переговоры с Мурад-Гиреем о его добровольном возвращении в Крым [Там же, с.211]. Наконец, распоряжения Порты в сентябре властям Кафы подтверждают факт окончательной отмены похода на Астрахань [Там же, с.213].

Прием крымских дипломатических представителей от нового хана не привел к немедленному и ясному ответу Москвы на крымские дипломатические инициативы.

Крымские гонцы были приняты в Москве с почетом. 16 сентября 1588 г. состоялась их аудиенция у царя Федора Ивановича [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.17, л.108 об.]. Она имела торжественный характер и проходила при большом стечении «думных чинов».

Тон аудиенции задавала официальная речь ханского эмиссара Апсолома Моллы, которая, в отличие от обычных в таких случаях цветистых изъятий «дружбы и братства» носила весьма конкретный характер. Во-первых, было объявлено о твердом намерении хана «идти сеи зимы на общего своего недруга на литовского короля» [Там же, л.110]. Далее была изложена просьба о «запросах», т.е. о присылке «запросных денег». Новый хан просил прощения за то что «при Ислам-Кирее царе ходили войною на украины брата моего многие мурзы».

Крымские гонцы были приняты Борисом Федоровичем Годуновым. Это был первый прием им крымских дипломатов в качестве фактического правителя государства. Аудиенция прошла гладко без затрагивания «острых тем». По форме она напоминала аналогичные мероприятия у государя [РГАДА, ф.123, оп.1, ед. хр.18, лл.1 об.–3].

По логике развития событий крымские гонцы должны были быть быстро отпущены. Однако в сентябре последовало нападение «многих крымских и азовских людей до десяти тысяч» на московские «украины». Нападение было успешно отражено «у Новосили» [Там же, лл. 24 об., 30 об.]¹. Сомнительно, чтобы набег был санкционирован Гази-Гиреем II. Скорее всего, речь шла о «дивеевых» и «казыевых» ногах. Учитывая «перенаселение» традиционных мест их кочевий, всплеск «набеговой активности» представляется вполне оправданным.

15 октября состоялся приговор об отправлении И.Мушулина и об отпуске крымских гонцов [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.17, л.112 об.]. Скупые записи «приговора» содержали распоряжение «отписать ко царю и царевичам о дружбе и любви» [Там же, л.112 об.]. С И.Мишулиным по традиции дипломатической переписки периодов «дружбы и братства» было отправлено два послания от имени государя «открытое» и «тайное» [Там же, лл. 124 об.–132]².

Послание хану от имени государя по традиции содержало ответ на мирные предложения. Как всегда в обтекаемых выражениях говорилось о перспективах русско-крымских отношений: «с тобою братом нашим в дружбе и братстве быти хотим неподвижно», «на своем слове меж собя в братской любви стояти крепко», «на всех своих недругов стояти заедин» [Там же, л.126 об.]. Заявлялось, что после возвращения гонца И.Мишулина должен был состояться посольский размен. Предполагалось,

¹ Это нападение не отмечено А.А.Новосельским, который пишет, что «от 1588, 1589 и 1590 гг. нет сведений о нападениях татар» [Новосельский, 1948, с.433].

² Тайное послание касалось судьбы захваченного донскими казаками и препровожденного ими в Москву знаменитого первого министра Мухаммад-Гирея II Муслы аталыка. направлявшегося из Стамбула в Астрахань с посланиями от Гази-Гирея к Мурад-Гирею.

что «доброе дело» будет заключением «докончания». Оговаривались, что посольский размен, должен состояться у Ливен. Выражалось пожелание заранее быть уведомленным «кого именем» будут «посланы великие» послы [Там же, лл.127–127 об.]. Главное содержалось в конце послания: «А что, еси ты, брат наш писал к нам всвоей грамоте о Мурат-Кирее царевиче, чтоб нам ему дати на волю, у нас ли похочет быти или к тебе ехать. И Мурат-Кирей царевич в нашей отчине в Астрохани, отпущен был для наших дел» [Там же, лл.128–128об.]. Далее указывалось для каких «наших дел» Мурад-Гирей находится на территории Русского государства. Речь шла о готовящемся весной вторжении Мурад-Гирея в Крым при активном участии приднепровских и донских казаков. Участие московских войск являлось ответом на нападение Алп-Гирея на московские «украины» при хане Ислам-Гирее II. При этом указывалось имя посланного с московским отрядом на Днепр «головой» – Федора Лукьяновича Хрущева. Поход был якобы отменен только после известия о смерти Ислам-Гирея II, после чего Ф.Л.Хрущев был отозван с Днепра. При этом речь шла о скоординированном движении на Крым со стороны Днепра и Дона. Об этом четко говорится в послании: «и мы похотя с тобою братом нашим бытии в любви и в дружбе все свои рати с украинных городов и казаков с Дону ропустили и поход царевичев Мурат Киреев остановили» [Там же, л.130 об.]. Для придания достоверности этим сведениям новому хану предьявлялся «крымский татарин Тимоха», присланный якобы с Днепра Ф.Л.Хрущевым [Там же, лл.130 об.–131]. Масштабы готовящегося предприятия преувеличены. Сведения о предполагаемом участии Мурад-Гирея в нем явно не соответствуют действительности, исходя из общей обстановки, сложившейся в ходе «исхода» ногаев из Нижнего Поволжья. М.Нагельский обращает внимание, что об этом был оповещен после смерти Ислам-Гирея II новый хан Гази-Гирей II [Nagielski, s.104]. Подобная «откровенность» московской дипломатии вполне понятна. Это был своеобразный ответ на высказанную в посланиях хана не очень закамуфлированную угрозу возможности нового османского похода на Астрахань.

Итак, Москва заняла выжидательную позицию. Декларирование «доброе дела» и принципиальное согласие на установления «дружбы братства и любви» не означало готовности немедленно согласия на «просьбы» крымской стороны о решении проблемы Мурад-Гирея.

Казалось, что на рубеже 1588–1589 гг. Русское государство и Крым стояли перед выбором: мирное соглашение с далеко идущими последствиями или курс на новую конфронтацию. Анализируя итоги миссии И.Судакова-Мясного, Ф.Лашков сделал вывод о том, «что Казы-Гирей, вообще неохотно служащий интересам суверенной Порты и даже препятствовавшей усилению могущества Турции в пределах нынешней России, опасался, что дальнейшее усиление ее лишит всякой самостоятельности Крымское ханство, и поэтому решил в интересах своей политической роли, держаться союза с Москвой» [Статейный, 1891, с.47–48]. Подобная точка зрения получила широкое распространение в дореволюционной отечественной историографии.

В действительности союз с Москвой отнюдь не являлся стратегической целью Гази-Гирея в долгосрочной перспективе. Политические реверансы в адрес Москвы были вынужденной мерой для выигрыша времени с целью укрепления своей власти в Крыму и решения первоочередных внешнеполитических проблем.

Зимой 1588–1589 гг. Гази-Гирей приступил к их решению. Прежде всего, речь шла о восстановлении крымского контроля над «Дивеевым улусом» и по возможности над Малыми Ногаями. Уже ранней осенью 1588 г. было организовано несколько военно-политических акций, в которых главная роль принадлежала «князю» Арсаню Дивееву. Он «утвердился на отцовом месте» и формально водворился в «Дивеевом улусе» в качестве карача-бека крымских мангытов. Арсаня в качестве личного представителя хана сопровождал бек Дербьш Кулюков, который вслед за тем отправился в «Казыев улус». Сам хан двинулся в «Казыев улус» в октябре-ноябре. Подданные Арсаня были возвращены из «Казыева улуса». Мурзы «Казыева улуса» шертовали хану. Теперь Гази-Гирей II мог изменить (до известных пределов) тон в отношениях с Москвой.

Итоги возвращения под свой контроль сопредельных территорий были изложены в посланиях хана на имя государя и Б.Ф.Годунова, доставленных в Москву в декабре 1588 г. гонцом Казан агой, имевшего статус «сеунчея», т.е. дипломата, посланного специально с целью информировать московского государя о успешном военном предприятии крымского «царя».

На аудиенции у государя в Москве 26 декабря 1588 г. Казан ага произнес от имени хана весьма выразительную «речь»: «С божею помощью ходили мы на Казыев улус и Казыев улус взяли под свою руку и ногайские многие улусы на крымской стороне» [РГАДА, ф.123, оп.1, ед. хр. 17, л.189]. Далее Казан ага от имени хана «попросил» «отпустить» в Крым Мурад-Гирея. Основания были

весьма веские: «Я то хочу, чтоб он у нас был в Крыме в калгах» [Там же, л.189 об.]. Это говорилось в присутствии гонца от «действующего» калги Фетх-Гирея.

Еще более четко эта линия содержалась в посланиях на имя государя [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр. 17, лл.190 об.–193 об.]. Хан сообщил, что он «перелез Дон у Азова» и «пошел было на ногаи», после чего почти все казевские мурзы и многие мурзы из числа «подданных Уруса князя» ему «покорилися» [Там же, лл.190 об.–192]. На «крымскую сторону» было отведено более ста тысяч ногаев [Там же, лл.192–192 об.]. Гази-Гирей выразил уверенность, что теперь он располагает достаточными силами, чтобы «над общим недругом над литовским королем промышлять» [Там же, л.192 об.]. Хан утверждал, что «Казыев улус» находится под его полным контролем, мурзы принесли шерть: «А Казыев улус еще отца моего блаженной памяти Девлет Киреева царева величества устроен и мы их прежнюю службу отцу моему помня их пожаловали» [Там же, л.193]. В заключении содержалась настойчивая просьба «отпустить» Мурад-Гирея [Там же, лл.193–193 об.].

Москва должна была сделать ответный ход. В Крым был отправлен П.Зиновьев, хотя, ввиду задержки И.Мишурина, можно было ограничиться отправлением служивого татарина. Русского гонца в Крым впервые сопровождал эмиссар Мурад-Гирея, выбранный из числа приближенных «царевича», остававшихся в Москве, Мамай мурза. Мало того, в Астрахань было дано распоряжение отправить в Крым гонца и непосредственно от Мурад-Гирея.

Данные П.Зиновьеву инструкции («наказная память») свидетельствовали о том, что Москва предполагала достигнуть соглашения о посольском размене, но без предварительной договоренности об отпуске Мурад-Гирея. Развернутая информация о укреплении внешнеполитического положения Русского государства, особенно на Кавказе незатейливо давала понять, что решение проблемы возвращения в Крым Мурад-Гирея возможно только после заключения союзного договора. Сигналом к уступкам Крыма должно было быть согласие о посольском размене. Предполагался отпуск П.Зиновьева и И.Мишурина вместе с крымским гонцом, облеченным полномочиями, для серьезных переговоров [Там же, лл. 238 об.–262; оп.1, 1589 г., ед. хр. 2, лл. 22–41]. К этому времени руководителям русской дипломатии предстояло определиться – настаивать на продолжении пребывания Мурад-Гирея в Астрахани или связать посольский размен с его отпуском.

П.Зиновьев прибыл в Крым в момент, когда в крымских верхах усиливалась напряженность – ханском диване шли напряженные дебаты об отношениях с Москвой.

Впоследствии в одном из своих посланий в Москву «царица» Хан-Тутай подтвердила рост антимосковский настроений в крымских верхах в это время, рассказав как «враги» хана Гази-Гирея «придумали идти на государеву украйну» и якобы только ее вмешательство предотвратило разрыв с Москвой [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.18, лл.65 об.–66]. Показателем антимосковских настроений, стал холодный прием, оказанный гонцу И.Мишурину, у которого силой были изъяты «поминки».

Напряженная обстановка, которую нашел И.Мишурин в Бахчисарае после казалась бы успешных для хана первых нескольких месяцев правления, были не случайны. После первых успехов политический горизонт «вновь стало затягивать тучами». Гази-Гирей еще зимой приказал казиевским мурзам «разобраться» с пришельцами из-за Волги. Попытка вернуть заволжских мурз «под Крым» и включить их в состав «Дивеева улуса» вылилось в крупномасштабные столкновения Больших и Малых Ногаев. В них погибли Сага мурза и Шейдахмат мурза [Новосельский, 1948, с.37]. Большинство их улусных людей бежало к Астрахани, т.е. фактически возвратилось «под руку» Мурад-Гирея. Гази-Гирей прекрасно понимал, что эти события могут иметь серьезные последствия: Бий Урус, несомненно, не сможет оставить погром своих родственников без отомщения. Как бы то ни было, но до времени «зона степной безопасности» Крыма была очищена от «нежелательных элементов».

В Стамбуле известия об усилении позиций хана в кипчакской степи восприняли без энтузиазма. Там ждали его активности на других «геополитических направлениях». Порту явно беспокоило положение дел на Кавказе и активность приднепровских казаков. Из Стамбула поползли слухи о планах смещения хана и замены его Алп-Гиреем.

Летом и осенью 1589 года Гази-Гирей предпринял ряд серьезных внешнеполитических акций. Переговоры П.Зиновьева, дополненные многочисленными встречами хана с эмиссаром Мурад-Гирея Мамаем-мурзой и прибывшем из Астрахани гонцом от Мурад-Гирея Сююндюком, показали, что хан настаивает на проведении посольского размена только при условии отпуска Мурад-Гирея. Однако понимая, что в настоящий момент Москва не пойдет на этот шаг, Гази-Гирей II решил отправить в Москву посланника карача-бека рода кипчаков Абдуллу с информацией о предстоящем крымском нападении «на литовского короля».

Хан действительно готовил крупномасштабное нападение на Речь Посполитую, которое должно было сопровождаться попыткой спровоцировать разрыв перемирия между Русским и Польско-Литовским государствами. В посланиях, направленных царю Федору Ивановичу, Гази-Гирей II изображал готовящийся поход как собственную инициативу, вызванную, прежде всего, намерением установить «дружбу и братству» с Москвой. На самом деле крымское нападение было инспирировано Портой.

В июне русские гонцы получили информацию о прибытии из Стамбула чавуша с фирманом, предписывающим Гази-Гирею выступить в поход [РГАДА, ф.23, оп.1, ед.хр.17, лл.316 об.–317]. С ханом предписывалось отправиться Сафа-Гирею, Фетх-Гирей должен был остаться в Крыму. Нападение было ответом на действия приднепровских казаков, которые предприняли ряд крупных нападений на османские суда в Черном море. 1 июля от имени Моллакаая Алея аталыка гонцам было объявлено, что хан выступает в поход «на литовского короля». П.Зиновьев остается в Крыму, а И.Мишулину надлежит следовать в Перекоп, откуда вместе с «князем Абдуллою» он двинется в Москву. Отпускались и эмиссары Мурад-Гирея, причем не в Астрахань, а вместе с И.Мишулиным в Москву. Отпускная аудиенция не предусматривалась [Там же, лл. 317 об.–318]. В Перекопе И.Мишулин «в ночи» встретился с Моллакаем Аллеем аталыком [Там же, лл.318–318 об.]. Сановник потребовал, чтобы И.Мишулин донес «словом» информацию о позиции крымской стороны: «доброе дело» возможно только в случае «отпуска» Мурад-Гирея.

Хан отправился в поход на Речь Посполитую, выступив из Перекопа. Мишурин несколько дней оставался в Перекопе, дожидаясь Абдуллы Кипчакского. Многочисленных крымских гонцов в Перекоп доставил лично калга Фетх-Гирей, что свидетельствовало о важном значении миссии Абдуллы.

Гази-Гирей II обрушился на Речь Посполитую только ранней осенью – в сентябре 1589 года. По зрелому размышлению он решил дождаться подхода ногаев из «Казыева улуса» и жжаневских «черкас». В походе в конечном счете участвовал и калга Фетх-Гирей.

Задержка хана в выступлении была не случайной: он должен был быть уверен в прочности своих позиций в «Казыевом улусе». Там события развивались в благоприятном для него направлении. По возвращении в Москву гонец Мурад-Гирея в Крым Сююндюк сообщил, что «Из Казыева улуса пришли посольским обычаем к Казы Гирею царю от мурз бити челом что об их взял под свою руку» [Там же, лл.340 об.]. Главная мотивация была в том, что в Казыевом улусе на протяжении последних лет «ждали «царевича Мурад-Гирея из Астрохани и царевич (в Улусе) не бывал». Вместо этого «им недоужбу учинили заволжские нагаи и черкасы» [Там же, л.341]. К лету 1589 г. основные мурзы «Казыева улуса» окончательно перешли «под руку» хану. В.В.Трепавлов выделяет две причины отхода мурз «Казыева улуса» от ориентации на Мурад-Гирея, т.е. фактически на Москву – притеснения астраханских воевод и «агрессивность заволжских кочевых предводителей» [Трепавлов, с.24]. Следствием изменения ситуации в «Казыевом улусе» было активное участие Малых Ногаев в походе крымцев «на литовского короля».

Набег крымцев на Речь Посполитую 1589 года привел к серьезным последствиям и для внутривосточного и для внешнеполитического положения Польско-Литовского государства. Во внешнеполитическом плане крымское нападение, по мнению Б.Н.Флоря, «явилось началом серьезного обострения между Речью Посполитой и Турцией» [Флоря, 1978, с.226]. Во внутривосточном отношении оно спровоцировало конфликт внутри правящей элиты Речи Посполитой относительно первоочередности решения внешнеполитических задач [Konopszynski, 1986, s.180]. В правящей элите Речи Посполитой влиятельная группировка во главе с коронным канцлером Я.Замойским сразу связала крымский набег с политическим сближением Москвы и Бахчисарая. Вынашивались планы разрыва перемирия и возобновления войны с Русским государством. Курс на отказ от возобновления войны был принят королем и Замойским только после т.н. ревельского свидания Сигизмунда III с отцом Юханом III поздней осенью 1589 г. в ходе которого Швеция отклонила требования польско-литовской стороны о территориальной компенсации в Лифляндии, как главном условии разрыва перемирия с Русским государством. В конечном итоге в апреле 1590 года король отправил в Москву посольство С.Радзимирского. Для Москвы такое развитие событий в Речи Посполитой летом–осенью 1589 года, естественно, представлялось далеко не очевидным. Это объясняет осторожность, с которой там подошли к назойливым призывам из Крыма обрушиться «на общего недруга». Тем не менее, сам по себе конфликт Крыма и Речи Посполитой открывал для русской дипломатии большие возможности.

К лету 1589 года казалось, что в дипломатической игре между Бахчисараем и Москвой выигрывает Москва. Б.Ф.Годунов имел основания полагать, что миссия И.Мишурина и П.Зиновьева увенчались частичным успехом. Нерешаемый по-прежнему вопрос об «отпуске» Мурад-Гирея не препятствовал интенсивным «ссылкам» между Крымом и Москвой, куда было снаряжено посольство во главе с беком Абдуллой.

5 августа 1589 г. в Москве было получено известие от ливенского воеводы И.М.Бутурлина о прибытии огромного количества крымских гонцов «от царя, царевичей, цариц, князей и мурз» во главе с «князем Абдуллой Кипчатцким» вместе с вернувшимся И.Мишурином [РГАДА, ф.123, оп.1, ед. хр.17, л.266 об.]. Однако долгожданный крымский эмиссар Абдулла Кипчакский не доехал до Москвы: 17 августа из Калуги были получены донесения, что он скончался «на стану», перейдя Оку [Там же, л.327]. Перед смертью, 14 августа, гонец был спрошен толмачами. Смерть посланника усложняла ситуацию. Материалы русской посольской документации по связям с Крымом не дают представления о том, каким образом шло расследование внезапной смерти посланника. Неясно было было ли это отравление, или смерть произошла от естественных причин. Настораживал тот факт, что после смерти Абдуллы «старшим по рангу» среди крымских гонцов становился представитель калги Фетх-Гирея, которому в Москве не доверяли. Следует отметить, что общее содержание данных ему «посольских речей» умерший крымский посланник изложил «расспрашивающим его толмачам» [Там же, лл.341–342 об.]. Материалы «расспроса» Абдуллы были доложены в Посольский приказ и в дальнейшем переданы для ознакомления государю и, естественно, Б.Ф.Годунову.

Абдулла заявил, что послан он с «великим делом», целью его миссии является «быти в вековом мире» [Там же, л.341 об.–342]. Главным условием «векового мира» является вопрос об отпуске Мурад-Гирея [Там же, л.342]. Проведенные одновременно «расспросы» эмиссара Мурад-Гирея Мамай-мурзы и донесения русских гонцов И.Мишулина и П.Зиновьева показывали, что проблема пребывания в Астрахани Мурад-Гирея для хана по-прежнему является ключевой.

Руководство Посольского приказа во главе с А.Я.Щелкаловым рекомендовало Б.Ф.Годунову занять выжидательную позицию и тянуть время. В результате было принято решение провести аудиенцию крымских гонцов во главе с посланцем калги Кадрешем вместе с людьми Мурад-Гирея.

Аудиенция гонцов прошла 7 сентября при участии «царевичевых людей» во главе с Ен Маметем мурзой [Там же, л.345]. Сама аудиенция была краткой. Гонец от калги произнес краткую «речь» и после отдачи посланий крымцы были отпущены. Ввиду отсутствия обреченного полномочиями бека Абдуллы переговоры с крымцами не могли иметь места. Впрочем, Б.Ф.Годунова это вполне устраивало.

Между тем «передышка» в «ссылках» с Крымом оказалось непродолжительной. 14 октября И.М.Бутурлин доложил в Москву о прибытии в Ливну крымских гонцов во главе с Аллаш Богатыром [Там же, л.390]¹. 25 октября гонцы прибыли в Москву [Там же, л.393 об.]. Аллаш Богатыр являлся очередным «сеунчем», посланным формально для того, чтобы информировать Москву об успешном крымском походе на Речь Посполитую. На самом деле, его целью было выяснить судьбу посольства Абдуллы Кипчакского.

4 ноября состоялась аудиенция крымцев вместе с уже находившимися «на Москве» гонцами во главе с Кедрешем и опять с «людьми» Мурад-Гирея [Там же, л.397 об.]. При этом особо подчеркивалась, что в их числе был Мамай-мурза, «который был в Крыме». Речь Аллаша Богатыра на аудиенции содержала, на первый взгляд, прежние «пожелания» крымской стороны относительно условий установления «доброго дела» [Там же, лл.399 об.–400 об.]. Вновь в который уже раз излагалась ханская версия «крымской смуты». Подчеркивалось, что «племянник наш Мурад-Кирей царевич пришел к тебе брату нашему по своей воле». Далее следовало изложение содержания посланий русской стороны, отправленных с гонцами Иваном Мишуриным о походе против «общего недруга литовского короля». При этом подчеркивалось, «племянник наш Мурат-Кирей царевич о том сам писал со своим человеком». Далее излагался успех крымского похода «на литовского короля», в котором «правой рукою был калга Фети Гирей царевич а левою рукою племянник наш Сафа Кирей царевич». Практически в аналогичных выражениях все это повторялось в ханском послании на имя царя Федора Ивановича [Там же, лл.401 об.–407].

¹ Всего в Ливны прибыло 28 гонцов [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр. 17, л. 390 об.].

После ознакомления с доставленными посланиями, 13 ноября последовала отпускная аудиенция [Там же, л.419 об.]. Ответная «речь» от имени государя прочитанная А.Щелкаловым, декларировала готовность русской стороны к посольскому размену, причем подчеркивалось, что в Крым с «большим послом», который «наготове», будут отправлены «большие поминки». Была выражена «радость» по поводу успешного крымского похода на Речь Посполитую, из которого «царь пришел в свое государство счастливо» [Там же, лл.432–432 об.].

Вопрос об отпуске Мурад-Гирея в Крым на официальных мероприятиях не затрагивался, однако он занимал главное место в переписке. Послание хана как на имя государя [Там же, лл.401 об.–407], так и Б.Ф.Годунову содержали повторные просьбы «отпустить» Мурад-Гирея.

22 ноября 1589 Аллаш Богатыр выехал из Москвы с большой группой отпускаемых крымских гонцов, в том числе с заменившим князя Абдуллу гонцом калги Фетх-Гирея Кадрешом [Там же, л.423]. Вслед за этим в Крым был отправлен гонец в ранге посланника Иван Грязной. Приговор о его отправке датирован 28 ноября [Там же, л.429].

В данных ему «речах» содержалась констатация невозможности вести переговоры о «великих делах» ввиду кончины князя Абдуллы и вновь предлагалось осуществить посольский размен [РГАДА, ф. 123 оп.1 ед.17 лл 430 об–436 об.].

В «наказной памяти» [Там же, лл.436 об.–452], а также в «наказной памяти» от Б.Ф.Годунова [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.18, лл. 99–102 об.] содержались позиции, аналогичные изложенным в посланиях от имени государя. Ответ на возможный вопрос о Мурад-Гирея был идентичен сведениям, содержащимся в посланиях – «царевич» был у государя и отправлен в Астрахань [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.17, лл.443]. Ответные послания от имени государя хану отправленные с гонцом Иваном Грязным в ноябре 1589 г., по существу не также содержали ничего нового для решения главных проблем русско-крымских отношений и, прежде всего, вопроса об отпуске Мурад-Гирея [Там же, лл.432–457 об.].

Прежде всего, в грамоте от имени государя хану декларируется готовность к «доброму делу». Вновь напоминается о «дружбе и любви» между «прадедом нашим великим государем царем и великим князем Иваном Васильевичем Всеа Руси с твои прадедом с Менгли-Киреем царем», выражается сожаление о том, что «Абдуллы князя на дороге не стало» и для совершения такого «великого дела», как заключение «докончания», нужно «сослаться добрыми посласми» – вновь предлагается совершить обмен гонцами для совершения посольского размена. [Там же, л.454]. Далее излагается «радость» по поводу успешного похода на «недруга своего на литовского короля». При этом тонко обходится традиционный для переписки московских государей и крымских ханов смысловой оборот «на недруга твоего и моего на литовского короля».

После обильных заверений в готовности «быти в дружбе и в братстве и в любви» послание дает ответы на реальные условия крымской стороны для установления «доброго дела». Вопрос об отбытии «племянника вашего Мурад-Кирея царевича» положен «на его волю», о чем хана известил его «человек» Мамай-мурза. Итак, Москва вновь не дала ясный ответ об отпуске Мурад-Гирея.

Позиция руководителей московской дипломатии носила противоречивый характер. Традиционно выражаемая готовность к «доброму делу» с Крымом не сопровождалась реальными уступками. На фоне прекрасно известных в Крыму военно-политической активности Москвы на Кавказе такая позиция в будущем неизбежно вела к конфликту. Тем не менее, Б.Ф.Годунов и А.Я.Щелкалов упорно игнорировали проблему реальных государственных интересов Крыма на Кавказе, видимо полагая, что конфликт Порты и Речи Посполитой, в который был втянут Крым, будет носить долговременный характер. Подобная позиция таила в себе серьезные опасности, но пока в Москве явной угрозы не видели.

Об этом, в частности, свидетельствуют инструкции, данные И.Грязному. Ему, в частности, предписывалось не следовать вслед за ханом в поход «на литовского короля» [Там же, лл.447–447 об.]. Вообще именно задание детально описать ход и последствия предполагаемого крымского нападения на Речь Посполитую превалировало в общем перечне задач разведывательного характера [Там же, л.451]. Особо надлежало выяснить: участвовали в походе «пятигорские черкасы» и «ногайские люди» и кто ими предводительствовал. Возможность крымского нападения «на государеву землю» учитывалась, но об этом в «наказной памяти» упоминалась как бы мимоходом – с формулировкой «буде царь сеи зимы на литовскую землю не поидет» [Там же, лл.451–451 об.].

В Москве исходили из желательности затягивания на длительное время ирано-турецкого конфликта. И.Грязному предписывалось выяснить: имеют ли место переговоры между Портой и Ираном, сведения о которых по разным каналам поступали в Москву. И.Грязному предписывалось об-

ратить внимание на антииранский союз Порты с бухарским ханом Абдуллой, о котором Москва получила информацию и из статейных списков И.Мишурина и П.Зиновьева, и из грамот от воеводы «Терского городака» князя Андрея Хворостинина.

Очередные донесения от терского воеводы были доставлены в Москву в сентябре-ноябре, как раз накануне отправления И.Грязного. В одной из грамот, доставленной 7 сентября, помимо всего прочего, содержалась следующая информация: один из кабардинских князей Салтай получил послание от Гази-Гирея II, в котором говорилось: «буде ты похочеш служити государю московскому – и ты служи; а мне московский государь не недруг» [Белокуров, 1889, с.74]. Подобная информация, естественно, вписывалась в складывающуюся в Москве общую картину «геополитических приоритетов» Крыма.

В целом отношения с Крымом явно не вызывали опасений у русского правительства. Изменилась ли позиция руководителей русской дипломатии в отношении принятия, хотя бы частично, крымских условий «добраго дела» в случае, если бы посольство бека Абдуллы кипчакского состоялось? У автора возникают на этот счет серьезные сомнения. Основное требование крымской стороны – отпуск Мурад-Гирея не могло быть удовлетворено. В условиях, когда «набегающая активность» Крыма была направлена в сторону Речи Посполитой в этом не было необходимости. Конфликт Порты и Крыма с Польско-Литовским государством сам по себе открывал широкие возможности для внешнеполитической активности Москвы.

Осенью 1589 г. Б.Ф.Годунов предпринял важную дипломатическую инициативу – в Речь Посполитую «до их милости панов Рад Великого Княжества Литовского» был послан гонец А.Иванов с посланием от имени ведущих думных чинов бояр князя Ф.И.Мстиславского, самого Б.Ф.Годунова и Ф.Н.Романова [Бантыш-Кмаенский, 1862, с.23–24].

Решение об отправлении было принято в октябре 1589 г., но гонец выехал 11 ноября. В русской посольской документации имеются наказная память и речи [РГАДА, ф.79, оп.1, ед.хр.20, лл.7 об.–29 об.]. Примечательно, что А.Иванов выехал практически одновременно с отправлением в Крым И.Грязнова.

«Приговор» от 29 октября 1589 г. об отправлении А.Иванова, несомненно, явился следствием обстоятельного обсуждения задач внешней политики Русского государства Боярской думой. В отличие от многих аналогичных документов, он имеет довольно сложную структуру с изложением мотивов отправления гонца в свете общих задач внешней политики. «Приговор» начинается констатацией факта присылки «крымским царем» сеунча с известием об успешном походе крымцев на Речь Посполитую. Далее сообщается о том, что «воеводы украинных городов» уведомили государя о том, что «король Жигимонт отъехал к своему отцу в Колывань» так как «бити не хочет» на престоле [Там же, л.1]. Подобная интерпретация ревельского свидания Сигизмунда III с Юханом III объясняет почему «царь воевал в литовской земле многие места и встречи ему нигде не было» [Там же, лл.1–1 об.]. После этого следует изложение решения государя царя и Великого князя з бояры идти на «непослушника своего Ягана короля в Лифляны к Иван городу». И уже после этого следует собственно сам «приговор» об отправлении А.Иванова «к панам радным».

Весьма интересно содержание посольских «речей» и «наказной памяти» данных гонцу, в которых ему предписывается дать подробное изложение внешнеполитической активности Москвы «на восточном направлении». Во-первых, они рисуют картину успехов Москвы на Кавказе – «все кабардинские и тюменские князья государю нашему служат [Там же, л.18 об.]. Османская Порта ничего не может противопоставить успехам Москвы на Кавказе. Миссия Ибрагима чавуша (1585 года) трактуется как знак слабости турецкого султана-«присылал ко государю посланника своего о том, чтоб государь наш был с ним в миру и в ссылке» [Там же, л.20]. Посланник был отпущен ни с чем. Наоборот, с «кызылбашским» московский государь находился в союзе и готов был вместе «стояти против турского» [Там же, лл.20 об.–21]. Далее следует обстоятельный рассказ о «ссылках «Москвы с Крымом». Констатируется, что главной целью крымского «царя» является отпуск его племянника «Мурат-Кирея царевича» [Там же, л.22 об.]. Однако, так как он «служит государю нашему», эта «просьба» крымского хана не может быть удовлетворена. Предложение о совместном походе на «литовскую землю» также оставлено без ответа. Как христианский государь царь Федор Иванович «с турским и крымским николе не соединится» [Там же, л.23].

Послание, которое повез А.Иванов также занимает особое место в продолжавшихся уже столетие «ссылках» московских думных чинов и литовских «панов радных».

Адресатами являлись три ведущих литовских сенатора – кардинал Юрий Радзивилл, бискуп виленский, князь Криштов Радзивилл, воевода виленский и великий гетман литовский, и Ян Гле-

бович, воевода троцкий. Само послание, датированное 7 (17) ноября 1589 г. весьма объемно [РГАДА, ф.389, оп.1, ед.хр.593, лл.98–99 об.; ед.хр.594, лл.73–74 об.; Щербатов, 1904, стлб.644–647; Lietuvos Metrika, 2009, с.100–102; Lietuvos Metrika, 2006, с.95–97]. Этот документ в русле вековых традиций переписки московских думных чинов и панов радных ВКЛ излагает «неофициальное» мнение ведущих бояр (а в данном случае – фактического правителя Б.Ф.Годунова) по широкому спектру проблем двусторонних отношений, которые ведущие литовские политики должны были принять к сведению и в какой-либо форме донести до короля. Содержание грамоты получило широкую известность и неоднозначно оценивалось в историографии. Б.Н.Бантыш-Каменский охарактеризовал его как «грамоту уведомляющую, что Крымский Царь прислал к Государю ближнего своего человека Карачея Абдуллу князя с прошением о соединении Российских и Татарких войск для нападения на Польшу и Литву и с обещанием за сие вечной учинить с Россией по султанскому повелению мир» [Бантыш-Каменский, 1862, с.23–24].

Послание, после краткого изложения хода «ссылки» с панами-опдами периода бескоролья, уведомляет литовских сенаторов о том, что «прислал Кази Гирей царь своего ближнего человека Карачея Абдуллу князя килпчаньского просече того, чтобы господарь наш, с ним с Казы Гирем царем ... в соединении стоял на Корону Полскую и Великое Княжество Литовское». Указалось, что «цар хотел по с господарем нашим по турского веленью миритца вечным миром [Lietuvos Metrika, 2006, с.96]. Целью миссии Абдуллы была организация совместного похода крымцев, османов и московских войск на Речь Посполитую. Москва отказалась от союза с Крымом – московский государь «с крымским царем с Кази Гиреем стояти на вас не похотел». Крымские гонцы были отпущены с отказом. Следствием этого якобы явился приход «крымских людей на государя нашего украину», в ходе которого были пойманы «многие языки», сообщившие информацию о походе Крымцев на Речь Посполитую.

Грамота поражает детальным изложением событий осени 1589 г. Подробно излагаются показания «языков», взятых в октябре. Указывается, что Гази-Гирей вышел из Крыма в сентябре. «А на дорозе угнал царя у Днепра чеуш от турского. А велел царю воротити к турскому паше. А турской паша стоит с турскими людьми и з нарядом у Волоской земле. А велел деи солтан турской ити царю крымскому и турским людям на вашу землю к Каменцу Подольскому и ко Львову, и царь деи не воротил се, что лошади у них истомлены были А отказал деи чаушу турского-как лошады накормить и царь поидет к турском паше» [Там же, с.96]. Указывается основные объекты нападения – Каменец-Подольский и Львов.

Грамота призвала литовских сенаторов предложить «помыслить» «обоими Радами Короны Польское и Великого Княжства Литовского и всему рыцарству» о «соединении» на «бесурмян» [Там же, с.97]. В Москве предполагали, что содержание послания будет передано на общее «соборание спольного сената» и затем обсуждено в какой-либо форме на сейме.

Таким образом, фактический автор послания Б.Ф.Годунов рисует следующую схему:

- военная конфронтация Речи Посполитой с Портой неизбежна;
- Крым является «главным орудием» Порты;
- Москва не намерена содействовать Порте и Крыму и твердо обязуется сохранять перемирие.

При этом предполагалось, хотя и не писалось открыто, что взамен сохранения «нейтралитета» Москва рассчитывает на «понимание» ведущими политиками ВКЛ ее интересов «в Инфлянах». Одновременно политическая элита ВКЛ должна в очередной раз «призадуматься» о том, что дипломатические контакты Крыма и Швеции, слухи о которых просачивались в Москву, идут через территорию Великого княжества.

Отправляя А.Иванова к «панам радным», Б.Ф.Годунов «подвел черту» под «заманчиваемыми предложениями» крымской стороны относительно возобновления борьбы с Речью Посполитой. У Москвы были свои приоритеты – война в Прибалтике против Швеции. Успех в ней был возможен только при условии невмешательства в нее Речи Посполитой.

В целом осенью 1589 года внешнеполитическое положение Русского государства представлялось устойчивым. Как казалось в Москве, время работало на усиление русских позиций на Кавказе. Вероятно созрело убеждение, что конфликт Порты и Крыма с Речью Посполитой благоприятствовал военно-политической активности Москвы на всех геополитических направлениях. Вполне устраивало русское правительство и продолжавшиеся «на крымской стороне» Волги крупноформатные столкновения «заволжских» и «казыевских» ногаев.

В этих условиях русское правительство игнорировало крымские предложения «стояти заедин против общего недруга литовского короля», оттягивало ответ на настойчивые «просьбы» крым-

ской стороны решить проблему Мурад-Гирея. Демарш Б.Ф.Годунова с запоздалым «предупреждением» о замыслах Гази-Гирея II против Речи Посполитой привел к неоднозначным результатам. Вернувшийся А.Иванов доставил сдержанный вежливый ответ «панов-рад». Впоследствии стало известно, что польско-литовская дипломатия информировала о «предупреждениях» Б.Ф.Годунова крымскую сторону. С другой стороны, этот шаг Б.Ф.Годунова действительно содействовал решению короля и сената о возобновлении переговоров о продлении перемирия. Обострение ситуации на южных рубежах Польско-Литовского государства действительно сделало малореальным немедленное возобновление конфронтации Речи Посполитой с Москвой. Однако при несомненном тактическом успехе – возобновлении польско-литовской стороной переговоров о продлении перемирия и, следовательно, в отказе от открытой конфронтации в стратегическом плане выигрыш Москвы от нападения на «татарскую угрозу» был сомнителен. Крупномасштабная война с Крымом, которую ожидали в Москве, так и не началась. Противоречия в целом были хотя и с трудом урегулированы, это означало отказ Порты от «наускивания» Гази-Гирея II на польско-литовские «украины». Вместе с тем, неурегулированность русско-крымских отношений, которая определялась отказом Москвы выполнить основное условие установления «добраго дела» – решение проблемы Мурад-Гирея таила в себе угрозу возобновления крымских нападений.

В апреле 1590 г. последовали крупномасштабные меры по укреплению обороны южных рубежей, но решающее значение придавалось пока дипломатическим мерам. И здесь весьма своевременно явилось возобновление «ссылок» с Москвой по инициативе крымской стороны. Весной вернулся давно задерживаемый П.Зиновьев вместе с крымскими гонцами. Точная дата приезда установить невозможно ввиду утраты части русской посольской документации по связям с Крымом. Несомненно, что на этот раз было сообщено о скором отправлении крымского посольства.

К лету 1590 г. русское правительство в очередной раз планировало провести посольский размен с Крымом. С мая по июль 1590 года в Москве наблюдалась невиданная давно дипломатическая активность: одновременно осуществлялся прием гонца из Речи Посполитой и иранского посольства, из Астрахани был вызван Мурад-Гирей. Гонец Я.Девянтовский известил о скором прибытии польско-литовского посольства. Переговоры с иранцами должны были определить перспективу отношений с Сефевидами. Одновременно в Москве ожидали приезда крымских гонцов с извещением о выходе из Крыма к Ливном посольства. Замечательно, что «ссылки» с Крымом Москва стремилась завершить до предполагаемых переговоров с иранскими послами. Направленного за иранцами Семену Олферьеву были даны весьма характерные инструкции: «А буде спросят про крымского, как ныне крымской Казы-Гирей царь с государем И.Семену молвити: крымский царь Казы Гирей царь со государем нашим ссылается, чтоб государь наш с ним был в дружбе, и государь наш с ним в любви и во братстве и по ся места не учинился, а даождается вас персидского шаха послов» [Памятники, 1890, с.118]. Естественно, указание на зависимость «ссылок» с Крымом от исхода переговоров с иранцами было дипломатическим приемом. Тем не менее, в этом демарше была несомненная логика – пребывание в Иране Васильчикова наглядно показало, с какой обеспокоенностью относятся там к участию Крымского ханства в военных кампаниях шаха. Замирение с основным вассалом Порты не содействовало русско-иранским отношениям.

Сложность состояла в том, что русское правительство не имело ясных сведений о дальнейших перспективах ирано-турецкого конфликта. На аудиенции у Б.Ф.Годунова в мае, иранские послы дали понять, что между шахом и султаном возможно заключение перемирия, причем предполагалась «уступка» Ширвана [Там же, с.133]. На той же аудиенции иранские послы в завуалированной форме дали понять, что шах обеспокоен перспективами установления мирных отношений Москвы с Крымом.

В конечном итоге иранское посольство было отпущено без отправления к шаху ответного русского посольства. Мурад-Гирей в приеме иранцев не участвовал. Вообще, его третья, последнее, пребывание в Москве летом 1590 года носило довольно странный характер – ощущалось стремление «развести» дороги иранских дипломатов и Мурад-Гирея. Когда весной 1590 г. принималось решение вызывать Мурад-Гирея из Астрахани, его вести надлежало через Нижний Новгород. Благо иранцы находились в Ярославле, где дожидались возвращения государя из Ливонской кампании. Важно отметить, что иранцы уже к декабрю 1589 г. находились в Нижнем Новгороде, откуда их отправили в Ярославль и только в апреле 1590 г. повезли их в Москву¹.

¹ Л.А.Юзефович полагает, что в период пребывания иранских послов в Москве Мурад-Гирей 10 мая присутствовал на приеме прибывшего с ними самаркандского царевича шихима «Шейх-Мухаммеда» [Юзефович, 2007, с.158].

Особый характер третьего визита Мурад-Гирея явно предполагал скорое прибытие крымского посольства, которое, впрочем, так и не прибыло в Москву. 13 июня Мурад-Гирей был принят государем в Грановитой палате вместе с пасынком Кумык (Кумо)-Гиреем. После приема государем Мурад-Гирей, судя по всему, был удален из Москвы. Русское правительство явно не желало его встречи с прибывающим в Москву иранским посольством. 29 июня иранское посольство выехало из Москвы, Мурад-Гирей почти месяц после этого находился в Москве или возможно, близ столицы. Только 21 июля «царевич» с пасынком и с женой («царицей» Ертуган) был отпущен в Астрахань. Русское правительство так и не дождалось известий о прибытии крымского посольства.

Русско-крымские «ссылки» возобновились вскоре после отпуска Мурад-Гирея.

В конце июля 1590 г. в Ливны прибыл гонец Аллабердей-мурза, племянник главы клана Яшлавских «князя Мурада Сулешева» [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.18, л.103]. Судя по всему, с ним был отпущен И.Грязной¹. К сожалению, в основных крымских посольских книгах сведения о приеме Аллабердея утрачены. Гонец доставил ряд посланий, из которых сохранились только три послания к Б.Ф.Годунову [Там же, лл.103–107 об.]. Позиция крымской стороны была изложена в первом послании Борису Федоровичу. Хан напоминал, что предпринял нападение на Речь Посполитую, хотя «брат наш учиняся с нами в братстве и дружбе прислал к нам послов своих, а ничто с ними к нам не приказал» [Там же, л.103]. При этом король присылал «к нам посланника своего и хотел нам казну дати и мы на казну не смотря для брата своего ходили на него со своею со мною ратью» [Там же, лл.103–104]. Крымская сторона выражала недовольство задержанием отправленных летом и осенью 1589 г. гонцов. Все это уже было заявлено «послу вашему, который у нас был», очевидно И.Грязнову. Следствием этого указывалось, что, прибывшие ранним летом 1590 г. гонцы были посланы «для вестей» с тем, чтобы удостовериться в твердом намерении совершить размен, однако они также были задержаны. Теперь с «окончательным подтверждением» готовности совершить «посольский размен» прислан Аллабердей-мурза, «Мурата князя племянник». Сообщается, что послом назначен Монаш дуван брат Моллакай Аллея аталыка. Сам Моллакай Аллей аталык заявлялся как «разменный посол» «переговорить как нам с братом нашим в братстве и любви бытии» [Там же, л.104 об.]. Таким образом, крымская сторона предполагала провести посольский съезд. При этом клан Яшловских, «князей Сулешевых», отстранялся от его организации. Для окончательного подтверждения намерений русской стороны совершить посольский размен Аллабердей мурза должен быть немедленно отпущен обратно с «большими поминками». После этого, на удивление кратко буквально в одной фразе содержалась просьба «отпустить племянника нашего Мурат Кирея царевича».

Послание настораживало. Формально хан выражал намерение осуществить посольский размен и даже посольский съезд. Однако, судя по всему, он тянул время. По логике Аллабердей-мурза должен был сообщить уже о выходе из Крыма ханского посольства. Особенно тревожными для Б.Ф.Годунова должны были прозвучать намеки на урегулирование отношений Крыма с Речью Посполитой: король недавно прислал «гонца своего о добром деле» [Там же, л.104]. Хан-Тутай в своем послании Б.Ф.Годунову также определенно говорила, что «от короля пришел посол». Мать Мурад-Гирея намекала, что состоялось бурное обсуждение вопроса о том «наперед кого нам быти в ссылке» [Там же, л.112].

Судя по материалам русско-польско-литовских переговоров в Москве конца 1590 – начала 1591 гг., в утраченном послании хана на имя государя Федора Ивановича содержалась более детальная информация о присланных с королевским гонцом сведениях касающихся «предупреждений» со стороны Москвы о предложениях Крыма «воевати заедин литовского короля».

В отечественной историографии такая точка зрения сложилась очень рано. М.М.Щербатов констатировал: «через присланного своего гонца Казы Гирей хан крымский жаловался Российскому государю, что он, быв с ним в союзе ищет соединения с Польшей и Литвой, дабы обще против Крыма и Порты оттоманской воевать, и что он о сем имеет верные известия от самого правительства сей держав» [Щербатов, 1904, стлб. 329–330].

Послание матери «царевича» Хан-Тутай к Б.Ф.Годунову также однозначно указывало отпуск Мурат-Гирея как единственное условие установления «братства и любви». Помимо всего прочего, Хан-Тутай сообщала, что в случае, если она в ближайшее время не увидит сына, она оправится со-

---

¹ Об отпуске И.Грязного определенно говорится в послании Б.Ф.Годунова князю Дербышу Кулюкову, отправленном в октябре 1590 г. [РГАДА, ф.123, оп. 1, ед. хр. 18, л.143].

вершать хадж в Мекку [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.18, л.112 об.]. В династической традиции Гиреев уход «царицы» в полонничество означал фактическое отстранение от дел и потерю влияния.

Судя по всему, донесения И.Грязного не дали ясного ответа относительно намерений крымской стороны. В конечном итоге, правительство Федора Ивановича приняло решение о подготовке посольского съезда и размена. Посольство казначея Ивана Васильевича Траханионова и дьяка Афанасия Демьянова отправилось на Ливны, где должно было дожидаться крымцев. С ними был отправлен Аллабердей-мурза¹. Для проведения посольского съезда отправлялся окольный Семен Федорович Годунов. Русское правительство решило не отпускать крымского гонца до получения достоверной информации о движении крымцев к Ливнам.

«Наказная память» И.Траханионову в полном объеме не сохранилась. В «столбцах» крымских дел имеются отдельные фрагменты. Тем не менее, они дают представление о задачах, которые ставились перед этим посольством. Русские дипломаты должны были декларировать отказ Москвы от конфронтационной политики. Русское правительство снимало к себя ответственность за нападения больших ногаев на «Казыев улус», впрочем в весьма неопределенной форме: «каким обычаем по государеву велению ногаи заволжские Казыев улус воевали или без государева веленья» [РГАДА, ф.123, оп.1, 1590 г., ед. хр. 5, л.10]. Отметим, что в русской посольской документации по связям с Крымом середины 80-х – начала 90-х годов тема столкновений «заволжских» и «казыевских» ногаев затрагивалась впервые. Очевидно, что именно весной и летом 1590 г. они приняли настолько широкий размах, что Москва вынуждена была отреагировать. Вероятно, именно тогда погиб бий Урус.

Относительно Мурад-Гирея подчеркивалось, что государь «царевичу дал на ево волно» оставаться на «астроханском юрте» или возвращаться в Крым [Там же, л.10 об.]. Впрочем, подчеркивалось, что в настоящее время «царевич Мурат-Кирей в Астрохани живет в государевом жаловании по своей воле» [Там же, лл.10.–10 об.].

Сведений о времени отправления посольства И.Траханионова к Ливнам в русской посольской документации не сохранилось. Вся информация содержится в послании Б.Ф.Годунову хану Гази-Гирею, отправленному в октябре 1590 г. [РГАДА, ф.123, оп.1, ед. хр. 18, л.130]. О том, сколько продолжалось это ожидание, в источниках нет полной ясности. Б.Ф.Годунов в своем послании хану указывает, что ожидание длилось больше трех недель [Там же, л.130]. А.Я.Щелкалов при переговорах с крымскими гонцами, присланными Гази-Гиреем после его нападения осенью 1591 года, а также с прибывшими ранее и задержанными, в том числе и с Аллабердеем-мурзой указывает, что посольство у Ливен стояло больше двух месяцев [РГАДА, ф.123, оп.1, ед. хр.19, л.176 об.] В любом случае к сентябрю 1590 года стало ясно, что посольского размена не будет. Посольство И.Траханионова было переведено в Болхов [Там же, л.177].

Аллабердей-мурза был возвращен в Москву. В дальнейшем его отправили в Переяславль-Залесский, откуда он был возвращен в феврале 1592 г. для участия в переговорах с вновь прибывшими крымскими гонцами. Он был отпущен только в октябре 1593 г. после посольского съезда на Ливнах. Длительное пребывание представителя клана «князей Сулешевых» в Москве обернулось впоследствии серьезными конфликтами между претендентами на «амиатство» и создало определенные трудности для русской дипломатии в Крыму.

Определение ханом курса на конфронтацию с Русским государством как всегда происходило постепенно. Первым сигналом для русской стороны был срыв посольского размена летом 1590 г. По мере обозначения нежелания крымской стороны идти на посольский размен меры по укреплению обороны усиливались. «На осень» был предпринят ряд мер по усилению воинских контингентов «по украиным городам» [РК, 1966, с.432–433].

Приняв решение о задержании Аллабердея-мурзы, правительство Федора Ивановича осталось без источников получения информации по дипломатическим каналам. Так как Гази-Гирей не посылал никаких новых гонцов, следовало сделать свой ход. Было принято решение послать в Крым без сопровождения отпускаемыми крымцами русского гонца.

Гонец Иван Бибииков (Иван Филатьев сын Бибииков) был отправлен в октябре 1590 г. [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.18, л.127 об.]. Ему было суждено вернуться через год, в ноябре 1591 г. [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.19, л.97 об.]². Наказная память гонцу из Посольского приказа утрачена, сохрани-

¹ Впоследствии при переговорах с крымцами в феврале 1592 г. А.Я.Щелкалов напоминал, что послы были отправлены «на Ливны», «а ты Аллабердей мурза с ними же вместе» [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.19, л.176 об.].

² По материалам разрядов – 14 ноября 1591 г.

лась наказная память от Б.Ф.Годунова, которая касается только распределения «поминок и жалования хану и его приближенным» [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.18, лл.147 об.–152]. Тем не менее, характер задач, который ставился перед И.Бибиковым, можно определить по содержанию отправленных с ним посланий. Из них сохранились только отправленные от Б.Ф.Годунова – это послание хану Гази-Гирею [Там же, лл.128–131]. В нем Борис Федрович, после подробного изложения хода русско-крымских «ссылок», возлагает ответственность за срыв посольского размена на крымскую сторону, следствием чего является задержание Аллабердея-мурзы. Для поддержания доброго дела в Крым отправляется И.Бибиков, которому надлежит выяснить будет ли посольский размен.

По возвращении И.Бибиков представил статейный список, один из немногих источников, раскрывающих, обстоятельства «задержания» русских дипломатов в момент выступления крымских ханов в поход на Русское государство и событий последовавших за возвращением их из этого похода [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.19, лл.98–131 об.].

6 декабря 1590 г. у Молочных Вод И.Бибиков встретился с Мурадом, «князем Сулешевым», и Дербышем, «князем Куликовым» [Там же, л.98]. Оба претендента на «амиатство» заверили русского гонца, что находятся здесь в ожидании выхода из Перекопа крымского посольства с тем, чтобы сопровождать его к Ливнам. Подобная встреча явилась для И.Бибикова неожиданностью: при его отправлении русская сторона не имела сведений о назначении «разменными послами» обеих претендентов на наследственное «амиатство». Впрочем, русское правительство скоро получила разъяснения крымской стороны по этому вопросу.

И. Бибиков прибыл в Перекоп 18 декабря 1590 г. [Там же, л. 98 об.]. 23 декабря он прибыл в Бахчисарай и был размещен в Яшловском предместье [Там же, ф.123., оп.1, ед.хр.19, л.99]. Внешне ничего не предвещало напряженности. На подходе к Перекопу гонец был встречен крымскими приставами, которые передали ему «корм» [Там же, л.98]. Правда, при подъезде к Бахчисараю люди калги Фетх-Гирея «покрали» часть «поминок», напав на посольский обоз, но серьезного ущерба не принесли [Там же, л.99].

Аудиенция у Гази-Гирея последовала 26 декабря 1590 г. [Там же, л.99]. И.Бибикова сразу же насторожила то, что хан приказал быть ему «у стола». Хан действительно не дал аудиенции «прежним обычаем». Все было обставлено, как приглашение на пиршество в саду, причем Ахмед-пашу «Сулешева», ожидавшего участия в аудиенции во дворце «к царю не пустили». И.Бибиков в конечном итоге, встав «исправил посольство», вручив хану грамоты от государя и Б.Ф.Годунова. Хан о «здоровье государя не спросил» и вообще никак не выразил своего отношения к сказанным «речам». Грамоты и «поминки» взяли «писцы». После чего И.Бибиков был «отпущен».

28 декабря Усейн Ага выразил от имени хана недовольство по поводу количества «поминок» и «жалования» и потребовал «переписи» всех ценностей, которые были привезены в Крым [Там же, л.100]. Ясно было, что крымская сторона намеренно разжигает конфликт. Все кончилось изъятием 9 января 1591 г. всей «крымской посылки» и отправкой И.Бибикова 10 января в Чуфут-Кале – «жидовский город Кыркор». Причем мотивация этого решения крымской стороны, сообщенная И.Бибикову, выглядела странно: «посылал де царь у тебя просити пятидесяти шуб белых, да пяти шуб кунных, да и наказов и списков.., а ты де царева слова не послушал и тово не дал» [Там же, л.100 об.]. Конкретных претензий крымцы не высказывали, ограничившись замечанием, что «царевы люди заперты у вашего государя». Для русского гонца наступил период изоляции.

Между тем задержание гонца еще не означало, что хан решил на окончательный разрыв с Москвой. Еще в октябре 1590 года крымская сторона была настроена на осуществление посольского размена, доказательством чему является выход за Перекоп «разменных послов» беков Дербыша Кулюкова и Мурата Яшлавского – «князей Куликова и Сулешева». В декабре 1590 г. к Ливнам прибыл крымский гонец Иссей, отправленный, очевидно, одновременно с И.Бибиковым. Гонец «князь Кипчакский» Иссей прибыл в Москву 3 января 1591 [Там же, л.9 об.]. Аудиенции у государя ему пришлось ждать двадцать дней, так как в Москве завершались труднейшие переговоры с польско-литовским посольством С.Радоминского. Только после их завершения руководители русской дипломатии обратились к «крымскому делу». Правительство действовало оперативно: 23 января, в день отъезда из Москвы польско-литовского посольства, Иссей был принят государем. Речь гонца от имени хана содержала следующие положения:

– не взирая на задержание «на Москве» Аллабердея-мурзы, крымская сторона готова к посольскому размену;

– послом назначается Монаш дуван «Моллака Аллев брат»;

– «проводить его» назначены «ближние князья и верные холопы» «царя» Мурад Сулешев и Дербыш Куликов;

– им даны полномочия «говорити о всяких делах» с присланным на посольский съезд «добрым холопом» от московского государя;

– по завершении переговоров Мурад Яшлавский и Дербыш Кулюков принесут «роту и шерть»;

– посольский съезд должен сопровождаться отпуском, естественно, «по доброй воле» на основании «прошения царя» и согласия «многохристианского государя», «племянника нашего Мурат-Кирея царевича» [Там же, лл.14–15 об.].

Еще до принятия решения «государя з боярами» о крымских предложениях, в Посольском приказе была получена информация о том, что среди прибывших крымских гонцов находится доверенное лицо хана Гази-Гирея некий «Лачин Агзи Черкашенин». 25 февраля он был «расспрошен» «по государеву цареву и великого князя указу и по боярскому приговору» в «посольской палате» Посольским дьяком А.Я.Щелкаловым и дьяком Постником Дмитриевым. Фактически «расспрос» вылился в переговоры с эмиссаром хана, который с готовностью изложил русской стороне те «острые» вопросы двусторонних отношений и аспекты внешнеполитического и внутривосточного положения «Крымского юрта», которые не были отражены в посольских речах бека Иссея и в доставленных им посланиях Гази-Гирея II.

Перечень «вопросов» русской стороны, представленных ханскому эмиссару был весьма объемным:

– причины срыва посольского размен: почему к указанному сроку к Ливнам «Монаш дувана для чего царь не прислал»;

– причины замены ханом в качестве разменного посла Моллакая Алея аталыка на «князей Мурата Сулешева и Дербыша Куликова»;

– не является ли заявленный посольский размен «обманом» и не «пойдет ли царь сей весны из Крыму на государевы украины»;

– каковы «ссылки» хана с Мурад-Гиря – «кого посылал ли о чем словом приказывал»;

– «любят ли» вообще в Крыму Мурат-Гирея и хотят ли его возвращения;

– верны ли «вести про царевича Алп-Кирея» о том, что «хочет турецкий отпустить его на крымский юрт»;

– «помирится ли турецкий с Литвою» и каковы «ссылки царя с литовским королем»;

– о чем «посылал царь к Ягану королю» [Там же, лл.47–47 об.].

Перечень вопросов прекрасно показывал степень информированности русской дипломатии и разведки. Развернутые ответы ханского эмиссара, впрочем, давали руководителям московской дипломатии обильную пищу для размышлений.

Главным мотивом всех ответов ханского эмиссара на многочисленные вопросы было подчеркнуть стремление хана к «доброму делу». Он якобы лично говорил Лачину Агзи Черкашенину о том, что «с Московским по свою смерть будучи на своем юрте учинюся в миру и никакова де человека на украину московскую не допущу» [Там же, л.49]. Ханский эмиссар признавал, что в Крыму существуют иные настроения. Он поведал о том, что «сего лета» бек Арсанай Дивеев просил отпустить его «на государеву украину», но царь его не отпустил. Срыв посольского размена произошел не по воле хана: он «побоялся» отпускать к Ливнам Моллакая Аллея аталыка, так как из Стамбула пришли вести о возможном смещении его с престола и замены Алп-Гиреем [Там же, л.49 об.].

Ланчин Агзи Черкашенин в этой связи долго и подробно рассказывал про козни ханских братьев у османов. Летом вопрос о смещении Гази-Гирея был почти решен Портой. Ханом должен был стать Алп-Гирей, калгой – Мубарак-Гирей [Там же, лл.49 об.–50]. Однако на прямой вопрос дьяков «куды побегит хан к турецкому или к московскому» после смещения его с престола, последовал резкий ответ, что, естественно, «к турецкому» [Там же, л.52]. Ханский эмиссар не позволил втянуть себя в опасный разговор о бегстве хана в северные крымские улусы, в частности, в Болы-Сарай для укрепления, которого ему требовались «запросные деньги» из Москвы. Напротив Ланчин Агзи Черкашенин «вдруг» стал рассказывать о том, как хан воевал за султана «с кызылбашским» и был у него «в полону», а в конечном итоге прямо заявил: «которые (из Гиреев. – *А.В.*) прибежали к турецкому и тому смерть не была», явно намекая на судьбу Мухаммад-Гирея II [Там же, лл.52–52 об.]. Замена Моллакая Аллея аталыка «князьями» Муратом Сулешевым и Дербышем Куликовым в качестве разменных послов трактовалась ханским эмиссаром исключительно как доказательство желаний хана к «доброму делу».

Ханский эмиссар поведал посольским дьякам и о том, что «из Астрохани ко царю от Мурат-Кирея царевича» недавно прибыл его эмиссар «князь Янтемир». Отправление очередного посланца «царевича» не могла произойти без согласия астраханских воевод и о нем было прекрасно известно А.Я.Щелкалову и П.Дмитриеву. Изложение содержания послания Мурат-Гирея к хану Гази-Гирею II выглядело совершенно в духе «официальной линии» астраханского «сидельца». Он извещал хана о том, что «в Крыму ему не живать» без согласия московского государя и сожалел о том, что не может «увидеться» с дядей. Ланчин Агзи Черкашенин также заявил, что «царь и все крымские люди Мурат-Кирея царевича любят и хотят его в Крым» [Там же, л.51]. Поразительно, что эмиссар Гази-Гирея II вообще не поставил вопрос об отпуске «царевича».

Скупость, с которой хорошо информированный Ланчин Агзи Черкашенин выдавал информацию о Мурад-Гирее, явно контрастировала с обильной информацией о дипломатических связях Крыма с Речью Посполитой и Швецией, включая подробный перечень польско-турецких и крымских послов и гонцов [Там же, лл.48 об.–49]. Особенно тревожным было ненавязчиво подчеркиваемое ханским эмиссаром наличие регулярных дипломатических связей Крыма и Швеции через «литовскую землю» и «Белое море» [Там же, л.50 об.]. При этом он уверял собеседников, что не смотря на «просьбы» Юхана III, подкрепленные обильными «поминками» идти на «государевы украинны», хан якобы намерен сохранять «дружбу и братство с Москвой».

Итак, посольские дьяки получили казалось исчерпывающие ответы на свои вопросы. Но именно они и свидетельствовали о назревающем конфликте с Крымом.

«Приговор», принятый 30 февраля, содержал жесткие контрпредложения русской стороны:

- в В Крым снаряжается посольство князя Меркурия Щербатова и дьяка Офонасия Девятого;
- до мая месяца оно будет дожидаться возвращения государева посланника Ивана Бибикова с извещением о выходе из Перекопа крымского посольства;
- с этими известиями в Крым направляется русский служилый татарин Бахтеяр Бакчюрин [Там же, лл.52–53 об.].

Иссей был задержан¹. Его отправили в Переяславль-Залесский, где он находился до февраля 1592 года. Туда же перевели всех прибывших с ним гонцов. Подобная мера, вполне органично вписывающаяся в традиции «посольского обычая», дала в дальнейшем повод хану для дополнительной мотивации вторжения. В Крым был отправлен служивый татарин Бахтияр Бакчюрин. С ним отпускалось десять крымских гонцов во главе с гонцом калги Фетх-Гирея Асаном.

Весной 1591 года правительство царя Федора Ивановича оказалось в трудном положении. Задержание в Крыму Ивана Бибикова лишила возможности русское правительство проводить полноценный обмен гонцами, не говоря уже о подготовке посольского размена. Помимо этого, отсутствовала реальная информация о намерениях хана. Несомненно, в Москве сознавали, что ситуация приобретает опасный и непредсказуемый характер. Об этом, в частности, свидетельствуют инструкции, отправленные И.Бибикову с Бахтеяром Бакчюриним – грамота от имени государя [Там же, лл.66–69 об.]. Грамота начиналась с изложением доставленных с Иссем ханских посланий, однако почти сразу переходила к изложению сведений, полученных в Москве от сбежавших из Крыма «полоняников». Определенно говорилось о том, что имеются сведения о готовящемся крупномасштабном походе на Русское государство: «хотят деи крымские и азовские люди идти на наши украинны» [Там же, л.67]. Исходя из этого, ханский гонец Иссей задержан, а в Крым отпускаются второстепенные гонцы. Но после изложения этих сведений, И.Бибикову предписывается «говорити ближним царевым людям» о необходимости посольского размена. Вновь, в который уже раз, предписывается настаивать на отправлении крымских гонцов с указанием срока прибытия посольства к Ливнам, вместе с которыми должен был быть отправлен Бахтеяр Бакчюрин [Там же, лл.67–67 об.]. И только после этого даются инструкции на случай, если «Царь или царевичи похотят идти на государевы украинны» [Там же, л.68 об.]. Они традиционны – следует послать полоняника или служивого тавтарина с извещением о готящимся нападении [Там же, л.69]. Предписано «отговаривать» «царя и его «ближних людей» от похода и настаивать на отправке к Ливна больших послов [Там же, лл.69–69 об.]. Никаких конкретных «контрпредложений» русской стороны в этой явно угрожающей обстановке И.Бибикову излагать не следует. Примечательно, что Мурад-Гирей в грамоте

¹ Иссей был отпущен из Москвы 3 марта 1592 г. вместе с ханским эмиссаром Ямгурчем атальком [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.19, л.193 об.].

не упоминается. К моменту прибытия русского служилого татарина в Крым, инструкции потеряли значение: русский гонец уже находился «запертым» в Чуфут-Кале.

20 марта 1591 г. состоялся «Приговор», в котором «государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси указал, как ему, государю, своего дела и земского беречи от крымского царя» [РК, 1966, с.436]. Правительство явно предполагало возможность крымского вторжения.

Итак, к весне 1591 года возможности для дипломатического маневрирования были исчерпаны для обеих сторон. Формально ни Москва, ни Бахчисарай не декларировали разрыва. Однако задержание ими гонцов, исходя из практики многолетних русско-крымских «ссылок», свидетельствовало о приближении конфликта. Поворот в сторону открытой конфронтации начался в январе и завершился к лету 1591 года. При общем состоянии «ссылок» между Москвой и Бахчисараем предпринять кардинальные шаги по выполнению основного крымского требования – отпуска Мурад-Гирея (с семьей и приближенными) русскими дипломатия не имела возможности даже в случае, если это решение было бы принято московскими верхами. Однако позиция Бориса Федоровича Годунова исключала возможность отпуска «царевича» из Астрахани, что было продемонстрировано крымской стороне при последних дипломатических контактах в первой половине 1591 года. В этих условиях внезапная смерть Мурад-Гирея сделала ситуацию необратимой. Есть все основания предполагать, что именно получение этого известия подтолкнуло Гази-Гирея к принятию решения о походе.

Действительно, формальным поводом для нападения Гази-Гирея II на Русское государство летом 1591 года крымская сторона объявила «потраву» Мурад-Гирея в Астрахани, якобы осуществленную по указанию Москвы. Эта позиция была озвучена при «распоросе» прибывшего в конце 1591 г. гонца Ибрагима Азей, которого 4 ноября 1591 г. в Болхове проводил прислынный из Москвы А.Я.Щелкаловым дьяк И.М.Всеволожский при участии переводчика Мурад-Гирея в Астрахани С.Степанова. При этом, наряду с официальным гонцом, ханом был послан специальный эмиссар – Ямгурчей аталык – один из наиболее доверенных приближенных Мурад-Гирея, воспитатель его пасынка Кумо-Гирея. Материалы беседы Ямгурчей аталыка с русскими должностными лицами показывают, что он длительное время проживал в Москве, возможно вместе с Кумо-Гиреем, и был хорошо известен Б.Ф.Годунову. В Астрахани Ямгурчей аталык входил в ближайшее окружение Мурад-Гирея и был хорошо известен переводчику С.Степанову. Более удобной фигуры для урегулирования критической ситуации в отношениях с Москвой найти было трудно.

Итак, Ибрагим Азей поведал, что Мурад-Гирея вместе с пасынком Кумо-Гиреем «уморили» в Астрахани по приказу русского правительства, заодно впервые обвинив Москву и в «потраве» ранее в Астрахани «царя» Сеадет-Гирея [Там же, лл.116–116 об.]. Надо сказать, что других причин похода крымская сторона указать не могла. Высказанные претензии о том, что якобы русская сторона под предлогом посольского размена замышляла нападение на крымское посольство собеседниками крымских эмиссаров не были приняты всерьез. При этом крымские дипломаты в самом начале переговоров четко озвучали позицию хана по главному вопросу – «царь ни Казани ни Астрахани не просит».

Таким образом, устами Ибрагима Азей все претензии свелись к отравлению Мурад-Гирея. Тогда русские представители обратились к Ямгурчею аталыку, присланному из Астрахани в Крым хану после смерти царевича по распоряжению главы следственной комиссии О.Пушкину с требованием опровергнуть эти обвинения. Ямгурчей аталык сделал это, хотя и в очень осторожной форме. Кроме того, он объявил, что прибыл в Крым уже после выхода хана в поход [Там же, л.121].

Однако при отдельной от официального гонца встрече с московскими должностными лицами, которая состоялась в тот же день, 4 ноября, ханский эмиссар Ямгурчей аталык уточнил свою позицию. Он рассказал, что известие о «потраве» царевича было получено в Крыму от некоторых «юртовских татар». На естественный вопрос «почему хан сразу же поверил этим известиям?», Ямгурчей аталык осторожно напомнил о срыве посольского размена и общем недоверии хана к Москве [Там же, л.130]. Однако его собеседники этим не были удовлетворены. Были поставлены вопросы о позиции Порты и действиях польско-литовской и шведской дипломатий. На эти вопросы Ямгурчей аталык, естественно, дал очень осторожные ответы. Однако именно они, наряду со сведениями, добытыми в ходе проведенного уже в Москве лично А.Я.Щелкаловым 10 декабря «расспроса» Ямгурчей и со сведениями, содержащимися в представленном по возвращению из Крыма И.Бибиковым «статейном списке», позволяют восстановить ход событий.

Прежде всего, необходимо дать оценку русско-крымскому конфликту 1591 г. в контексте геополитических сдвигов в Восточной Европе. Кризис в русско-крымских отношениях был вызван не только обострением противоречий собственно между Москвой и Бахчисараем. Помимо болезненных

для «Крымского юрта» проблем продолжения пребывания в Астрахани Мурад-Гирей и продолжающимся процессом расширения военно-политического присутствия на Кавказе, существовала заинтересованность «третьих сторон» в развертывании конфронтации и, главное, позиция Порты.

Итак, первый вопрос: русско-крымская конфронтация и Порты. После событий лета 1591 года все претенденты на московское «амиаство» – представители кланов Яшлавских и Кулюковых и прочие «ближние люди» крымского хана в своих посланиях в Москву дружно утверждали, что хан совершил нападение по прямому указанию турецкого султана. Более взвешанную позицию занимал Ямгурчей аталык во время многочисленных распросов по прибытии в Русское государство с «мирной миссией» после провала похода осенью 1591 года. Помимо указания на враждебные происки «царевичей» в Стамбуле, он отметил на факт негласного распоряжения османских сановников: «и писал деи х Казы-Гирей царю ис Царьгорода друг его Ибрагим-ших, чтоб он Казы-Гирей царь однолично объявился царю турецкому, тем, чтоб шел войною на государеву землю» [РГАДА, ф.123, оп.1, 1591 г., д.5, л.23]. Следует отметить, что прямых указаний на прибытие в Бахчисарай в 1591 году османских чавушей с приказом выступить в поход в источниках не содержится. Зато И.Бибиков в своем «статейном списке» сообщает о многочисленных крымских эмиссарах, направляющихся «к турецкому с поминками». При этом ясно, что хан был обеспокоен возможностью своего смещения с престола и замены Алп-Гиреем. Несомненно, что Гази-Гирей II информировал Порту о своих планах. И.Бибиков сообщает, что сразу же после того, как «царь пошел на войну», из Стамбула прибыл чавуш вместе с отпущенным ханским эмиссаром Магметом Челеби. Не застав в Крыму хана, чавуш поехал «за царем». Неизвестно успел ли он нагнать крымское войско и вручить Гази-Гирею II ханский фирман [РГАДА, ф.123, оп.1, ед. хр.19, л.109 об.]. О его содержании можно только догадываться.

Отвечала ли интересам Порты крымское нападение на Русское государство в 1591 г.? В отечественной историографии было принято отвечать на этот вопрос утвердительно. Однако никто из историков так и не дал вразумительного объяснения на вопрос: «почему Порте был необходим крымский поход именно летом 1591 года?». Тема позиции Порты в 1591 году может быть раскрыта только после введения в научный оборот материалов из османских архивов.

Второй вопрос: русско-крымская конфронтация и Речь Посполитая. Действия польско-литовской дипломатии с лета 1590 г. по весну 1591 г. «на крымском» направлении можно проследить по русской посольской документации. При расспросах в феврале 1591 года в Посольском приказе эмиссара Гази-Гирей II Лачина Агзи Черкашенина русская сторона получила подтверждение имеющейся информации об интенсивных дипломатических контактах Крыма с Речью Посполитой. При этом весьма информированный ханский эмиссар отделил «ссылки» Крыма с Польско-Литовским государством от общего состояния его отношений с Портой. Собеседник А.Я.Щелкалова и П.Дмитриева уверенно заявил о том, «у лтовских людей была рада мирится с крымским или не мирится» на которой было принято решение «мирится» [Там же, л.48 об.]. «Рада» состоялась после прибытия ханского гонца Ян Магмета Челеби. До этого в Крым прибыл королевский гонец «толмач Хозя Бердей», который провел предварительный зондаж относительно крымских условий, главным из которых был размер «упоминков». Судя по всему, это было в начале лета 1590 г., так именно на него ссылался хан в своих посланиях к царю Федору Ивановичу, доставленных с Аллабердеем в июле. В конце 1590 года в Речь Посполитую было отправлено крымское посольство во главе с Акк Магметом мурзой, одним из многочисленных братьев Моллакая Аллея аталыка, которое должно было огласить условия Бахчисарая: присылка «казны» за шесть лет, т.е. с момента последних дипломатических контактов Крыма и Речи Посполитой при Ислам-Гирее II [Там же, лл.48 об.–49]. Ханский эмиссар, естественно, не стал уточнять приняла ли польско-литовская сторона эти условия, но намекнул, что главным условием крымско-литовского «замирения» в Речи Посполитой считают «недружбу царя с московским».

Важно, что «расспрос» царского эмиссара имел место сразу же после тяжелейших переговоров в Москве с польско-литовским посольством, в которых важную роль играл посольский дьяк А.Я.Щелкалов. Сам по себе факт усиленных дипломатических «ссылок» Речи Посполитой с Крымом традиционно с настороженностью воспринимался в Москве. Однако в данном случае обеспокоенность посольского дьяка объяснялась особыми причинами. На только что прошедших в Москве переговорах с польско-литовским посольством он столкнулся с трудом прикрытой уверенностью дипломатов Речи Посполитой в том, что в ближайшее время последует обострение русско-крымских отношений. При этом польско-литовская сторона исключала любые формы военно-политического сотрудничества с Москвой против Крыма.

Польско-литовское посольство прибыло в Москву 10 октября 1590 г. [РГАДА, ф.79, оп.1, ед.хр.20, л.265]. Оно было отпущено 23 января 1591 г. в день аудиенции у государя ханского посла «князя» Иссея [Там же, л.628 об.]. Переговоры польско-литовского посольства в Москве являются одной из самых важных и драматичных страниц в истории русской дипломатии XVI столетия. По продолжительности – более трех месяцев – они не имели себе равных в истории русско-польско-литовских отношений (с 13 октября 1590 г. по 23 января 1591 г.). Вопрос об отношении обеих сторон с Крымским ханством присутствовал в течение всего хода переговоров. По сути, «крымский вопрос» играл на переговорах равнозначную роль по отношению с «шведским».

Московские дипломаты в ходе переговоров сами подняли «крымский вопрос». Польско-литовская сторона упрекалась в «неискренности» в отношении борьбы против «бусурман». Это было одним из самых захватывающих моментов интриги, так как летом 1590 года русскому правительству стало известно, что крымский хан был информирован королевским гонцом, прибывшим в Крым о русских антикрымских инициативах. В результате обе стороны начали жесткую полемику по «крымскому вопросу».

В письменном «ответе» на посольские речи, данном 15(25) октября, русская сторона напомнила, что в 1589 году в Речь Посполитую был послан гонец А.Иванов с посланиями от думных чинов к «панам радам» с известием о предложениях крымских совместного похода против «литовского короля», переданных с «князем Абдуллой». Затем русская сторона напомнила, что в 1590 году с отпущенным гонцом Я.Девянтовским Москва не только предупредила Речь Посполитую о готовящемся крымском нападении, но и вновь информировала об отклонении крымских предложений совместного нападения на Речь Посполитую. Все это было отражено в объемном письменном ответе русской стороны врученным послам 4 ноября И.В.Годуновым, возглавлявшим «ответную комиссию» [Там же, лл. 590–616; ф.389, оп.1, ед.хр.594, л.103–11 об.; Щербатов, 1904, стлб.657–673; Lietuvos Metrika, 2006, с.124–130]. Русская сторона напомнила как «паны Рада коруны Польское и великого княжества Литовское и Ваши великие гетманы корунной и литовский со многими людьми стояти против Турской и Крымской рати и нашим бы бояром о том порадети же, и нам бити челом, чтобы нашему царскому величеству послати в северские города рать своя, с Крымским с Мурат Гиреем царевичем, для того чтою Турским людям слушна была та наша рать» [Щербатов, 1904, стлб.659]. Особо подчеркивалось, что именно эта просьба рассматривалась в Москве как шаг к заключению союзного «докончания» между Русским государством и Речью Посполитой при приезде польско-литовских «больших послов»: «и нам было не укрепится в докончании и не утвердяся крестным целованием. ратей своих против Турского и Крымского на помочь коруне Польской и великому княжеству Литовскому и посылати не пригоже... того нигде не ведется; не укрепяся в докончании ратей не посылат» [Там же, стлб. 660].

Позиция русской дипломатии была не лишена лукавства. «Просьба» о «присылке» Мурад-Гирея «в северские города», оглашенная от имени коронного канцлера Я.Замойского и литовского канцлера Л.Сапеги, была ответом на назойливые предупреждения о угрозе крымского нападения на Речь Посполитую, переданных через гонца А.Иванова. Польско-литовская дипломатия, естественно, не предполагала, что русское правительство развяжет крупномасштабную войну против Крыма, да еще с привлечением Мурад-Гирея.

Гораздо серьезнее восприняли польско-литовские послы обвинения русской стороны в оглашении московских «антикрымских инициатив», содержащихся в послании думных чинов «панам радам» в Крыму, королевским гонцом толмачом Казембердеем «и тую боярскую присылку гонца их и Панам Радам объявит крымским царем и князем, и то не слыхано. что против таковое ласки нащое а такие меры от Короны Полское и от Великого Князства Литовского делат» [Lietuvos Metrika, 2006, с.128]. Подчеркивалась, что информация эта не только добыта от «языков», но и содержалась в послании государю от хана, доставленным с гонцом Аллабердеем.

В составленном и врученном в тот же день письменном ответе польско-литовской стороны русские претензии были отвергнуты [РГАДА, ф.389, оп.1, ед.хр.594, лл.111–116 об.; Lietuvos Metrika, 2006, с.130–135]. Инициатива в присылке военной помощи со стороны Москвы против Крыма и Порты отрицалась. Мало того, польско-литовские дипломаты вообще заявили, что любое сосредотачивание русских военных сил в «северских землях» направлено не против Крыма, а против Речи Посполитой. Что же касается сведений о антикрымских предложениях Москвы, показания «языков» были охарактеризованы как «напевные речи», не содействующие «доброму делу».

Жесткая позиция польско-литовской стороны на переговорах относительно возможности всякого военно-политического сотрудничества против Крыма по-новому стали рассматриваться руко-

водителями русской дипломатии после «расспросов» ближнего «человека» хана. Однако ввиду задержания И.Бибикова в Крыму, Москва до осени 1591 года не имела достоверных сведений о дипломатических контактах между Крымом и Речью Посполитой. Эти сведения были получены уже после возвращения И.Бибикова.

И.Бибиков, прибыв в Крым в декабре 1590 года, зафиксировал оживление дипломатических связей между Речью Посполитой и ханом. В целом они подтверждали сведения, сообщенные при «расспросе» ханского эмиссара в феврале 1591 года. Королевский толмач Казы Бердей действительно прибыл в Крым летом 1590 года. И.Бибиков выяснил, что в Речь Посполитую был послан сначала гонец Ян Магметь Челеби вместе с отпущенным толмачем Казы Бердеем, а затем представительное крымское посольство главе с братом Маллакая Аллея аталыка Акк Магметом мурзой [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.19, л.108 об.]. Кроме того, ему удалось узнать, что в начале 1591 года в Крым повторно прибыл «королевский толмач Казы Бердей» и доставил Гази-Гирею II послание от короля, в котором тот писал: «чтоб царь пошел на московского а как царь пойдет на московского тот ему пришет казны вдвое». Толмач был «пожалован» и «отпущен» вместе с очередным королевским гонцом «Черкашенином Уздеем». Однако одновременно с этим И.Бибиков сообщал о многочисленных нападениях «литовских людей запорожских черкасов на крымские и ногайские улусы». Важно, что до выступления хана в поход посольский размен Крыма и Речи Посполитой не был совершен. Отпущенное ханское посольство вернулось в Крым только в сентябре 1591 года, а польско-литовское прибыло в конце 1591 года.

Обострение отношений между Русским государством и Крымом отвечало государственным интересам Речи Посполитой. Тем не менее, в конкретной ситуации 1591 года польско-литовская дипломатия имела возможность оказывать влияние на Крым только в плане предоставления «компрометирующей информации» относительно московской политики и обещаний «казны». Реальных сдвигов в отношениях между Речью Посполитой и Крымом не произошло, да и не могло произойти в условиях продолжающегося кризиса в польско-турецких отношениях. Линия польско-литовских дипломатов на переговорах в Москве при всем декларируемом отказе от совместной борьбы против «бесерман» показывала, что отношения между Портой и Речью Посполитой далеки от добрососедства. Действия польско-литовской дипломатии в Крыму явно были направлены против Русского государства, но не играли решающую роль в решении хана выступить в поход. Это подтверждает тот факт, что в сентябре 1591 г., уже после возвращения хана в Крым, – по сведениям И.Бибикова, его посол Акк мурза вернулся в Крым «с пустыми руками» – «казны ему король не дав и выехали из Литвы безчестно без провожатых» [Там же, л.110]. Возможно, это было косвенным следствием миссии московского «сеунча» Д.М.Ислентьева, отправленного в июле 1591 года с извещением об отражении крымского нападения. Впрочем, скоро в Варшаве приняли решение об отправлении посольства в Крым, что было связано с тяжелой проблемой учета интересов Шведской короны в Прибалтике в связи с ратификацией заключенного в январе 1591 года московского договора о продлении Ям-Запольского перемирия на переговорах в ноябре-декабре 1591 г. с посольством М.Г.Салтыкова и И.П.Татищева. Там разразился острый конфликт, который едва не сорвал ратификацию московского договора и не привел к возобновлению войны Речи Посполитой против Русского государства в союзе с Швецией.

В этой связи следует рассмотреть третий вопрос: русско-крымская конфронтация и Швеция. В отечественной историографии причины крымского нападения 1591 г. традиционно объяснялись «подстрекательством» Шведской короны.

С.М.Соловьев писал: «побуждал хана к нападению на Москву король шведский Иоанн, обещал ему богатые поминки, если он извоюет московского царя, давая знать, что сопротивления татарам не будет. Потому что войска царские находятся на север, у границ шведских» [Соловьев, 1989, т. VII, с.254]. А.А.Новосельский уверенно утверждает, что «поход Казы Гирея был согласован со шведским правительством» [Новосельский, 1948, с.41]. При этом А.А.Новосельский сначала приводит летописные свидетельства – «хан совет имя (с) свейским королем Еганом. Яко да в едино время от обеих стран на благочестие ополчатся» [ПСРЛ, 1910, т.14, ч.1, с.10], а уже затем переходит к анализу сведений о шведско-крымских контактах, содержащихся в русской посольской документации.

Сведения о контактах Крыма и Швеции были получены еще от гонца в Речь Посполитую А.Иванова. При расспросе ханского эмиссара в феврале 1591 года посольскими дьяками ими была получена следующая информация.

Завязывание дипломатических связей с Швецией произошло по инициативе крымской стороны: «посылал де царь к литовского короля отцу к свийскому королю за Белое море гонца своего [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.19, л.50 об.]. Первоначально якобы целью крымской дипломатии было требование «поминков» за отказ от нападений на «литовскую землю». Однако затем «через литовскую землю Белым морем» в Крым прибыло шведское посольство с предложением союза против Москвы – «чтобы царь литвы и его не воевал а воевал бы Москву» [Там же, л.50 об.].

Ханский эмиссар сообщил о внушительном количестве присланных «поминок» десять тысяч золотых, двадцать тысяч ефимков, пятнадцать золотых кубков. По тем временам это весьма значительные «посольские дары».

И.Бибииков в своем «статейном списке» также изложил ход контактов Швеции и Крыма. Он уточнял, что крымский гонец находился у Юхана III «в те поры как государевы послы были в Иван городе», «а сами крымско-шведские переговоры шли в «те поры как государевы послы с немецкого послы съехались». Именно И.Бибииков в своем «статейном списке» изложил часто пересказываемое отечественными историками предложение короля «как пойду воевать московского тогды и тебе идти» [Там же, л.109]. Однако И.Бибииков сообщил и о том, что посланный очевидно в 1590 году к Юхану III «другой гонец» к моменту его прибытия в Крым еще не вернулся.

Сложность дипломатических «ссылок» Крыма со Швецией через территорию Речи Посполитой не дает основания утверждать, что шведская дипломатия в 1590–1591 гг. сыграла решающую роль в принятии решения хана выступить в поход против Русского государства.

Итак, позиция всех внешнеполитических партнеров Крыма и его сюзерена не была определяющей при принятии ханом и его диваном решения о походе, но, несомненно, оказывала на него влияние. Решение, принималось самим Гази-Гиреем II. Причем оно окончательно «созрело» только к лету 1591 года. На решение хана, помимо дипломатических, могли повлиять и другие факторы. Следует отметить, что к началу 1591 года многие задачи, которые ставил перед собой Гази-Гирей II, были решены. Была достигнута внутривнутриполитическая консолидация «Крымского юрта». И.Бибииков в своем «статейном списке» зафиксировал даже возвращение в Крым в конце 1590 г. – начале 1591 г. ряда бежавших в 1588 году крымских мурз. В частности, вернулся Осман мурза Ширинский «просити свои вотчины и княженья» [Там же, л.107 об.]. В декабре 1590 года была окончательно решена проблема «Казыева улуса». Кан мурза, сын погибшего Якшисата, шертовал хану, что характерно, «с Араслановыми детьми вместе» [Там же, л.107 об.]. Восстановленный «Дивеев улус» вместе с «Казыевым» мог серьезно увеличить военный потенциал Крымского государства.

В январе 1591 года в Крым прибыл посол от нового бия Большой Ногайской Орды Ураз-Мухаммада. Посол передал заверение бия в добрососедстве и готовность, в случае необходимости участвовать в походе «на недруга его на литовского короля» [Там же, л.107]. Отметим, что И.Бибииков при описании контактов хана с «заволжскими» и «казыевскими» ногаями на рубеже 1590–1591 гг. не упоминает о Мурад-Гирее. Это молчание многозначительно. Фактор «царевича» как реальной угрозы в «Крымском юрте» явно сходил на нет.

Самым уязвимым в положении хана Гази-Гирея II было наличие на территории Османской империи претендентов на престол, что создавало угрозу его смещения с престола. В таком же положении находился и его отец Девлет-Гирей I накануне своего похода 1571 года. В конечном итоге, именно это обстоятельство и побудило Гази-Гирея II, как и его отца, решиться на крупномасштабное военное предприятие против Русского государства. Успех мог серьезно усилить его авторитет в Стамбуле и позиции при «торговле из за казны» с Речью Посполитой. К тому же для мотивации своего предприятия и в самом «юрте» и в «Казыевом улусе» и перед Портой хан мог использовать факт гибели в Астрахани Мурад-Гирея.

Было ли возможно предотвратить крымское вторжение силами русских дипломатов, находившихся непосредственно в Крыму? Ответ на этот вопрос представляется нам отрицательным. Как и накануне нападений 1571 и 1572 гг. в Крыму весной 1591 года находились русские дипломатические представители. До нас дошел «статейный список» И.Бибиикова, который четко фиксировал развитие событий. Принципиальным отличием ситуации 1591 г. от аналогичных ситуаций 1571–1572 гг. было подчеркивание крымской стороной своих «мирных намерений». Формально не было предъявление требований ультимативного характера, в то время как в феврале 1572 г. хан Девлет-Гирей ясно потребовал «уступки» Астрахани. Как и Ф.А.Нагой и Ф.А. Писемский в начале 1571 года, И.Бибииков также в начале 1591 г., т.е. примерно за полгода до выступления хана из Крыма, был отправлен в «жидовский город» (Чуфут-Кале) под охрану караимов. Это произошло 10 января [Там же, л.101]. До мая он находился там в условиях жесткой изоляции.

Само обострение ситуации произошло для И.Бибикова внезапно. 5 мая 1591 года он был извещен самим «первым министром» хана, ведущим сановником Моллакаем Аллеем аталыком, о том, что «на государеву украину царь не идет а идет на литовского» [Там же, л.102]. Буквально через пять дней, 10 мая, Гази-Гирей, покинув Бахчисарай, двинулся «на государевы украинны». И.Бибиков был информирован о мотивации нападения. Толмачи передали, что хан со времени приезда гонца Ивана Грязного дожидался московских послов, которые так и не прибыли. Мало того, хану сообщили что московский государь его «обманывает». В Крым сумели ускользнуть гонцы Арсания Дивеева и «князя Заграпа Перекопского», которые якобы сообщили, что московский государь хочет «поймать» и крымское посольство и сопровождающих их, и тех, кто «придет на розмены» [Там же, лл.102–102 об.]. Кроме того, задержанные «на Москве» крымцы сумели прислать в Крым известие о том, что московский государь предупредил «литовского короля» о том, что «царь поидет на Литву». Эти сведения И.Бибикову «тайно» сообщил через своего «человека» вездесущий бек Дербыш Кулюков («князь Куликов»), который присутствовал на оглашении послания «на думе» и якобы лично «чел» эту «грамоту у царя» [Там же, лл.102 об.–103].

В данном случае сведения, сообщенные хану, могли соответствовать действительности. Возможно «утечка информации» произошла после прибытия гонцов во главе с Исеем в Москву, когда там еще находилось польско-литовское посольство. В целом можно констатировать, что антикрымские инициативы Москвы были использованы польско-литовской дипломатией для разжигания недоверия и конфликта между Москвой и Бахчисараем. В этих условиях у И.Бибикова не было практически никаких шансов завязать новые переговоры, при последнем посещении его Моллакаем Аллеем аталыком, тем более присланные ему с Б.Бакчюриным инструкции (в случае, если он их получил) содержали отказ от главного крымского требования – отпуска Мурад-Гирея.

Интересно, что И.Бибикову до выступления хана в поход никто из его информаторов не сообщил о смерти Мурад-Гирея. Можно предположить, что хан, выступая из Бахчисарая еще не получил этого известия. Источники, к сожалению, не позволяют прояснить вопрос о том, было ли принято принципиальное решение о походе до получения известия о смерти Мурад-Гирея или это произошло после этого.

Как известно, сведения о приближении крымцев были получены в Москве ровно через месяц – 10 июня 1591 года – от путивльского воеводы В.Вельяминова, который основывался на донесениях сторожевого головы С.Антыкова. Численность крымцев была определена в «потораста тысяч и больши» [РК, 1966, с.440]. Они шли Муравским шляхом – «столбовой дорогой» крымских вторжений.

Итак, крупномасштабное нападение крымцев на Русское государство стало реальностью. От исхода похода «Казы-Гирея царя» зависило очень многое. В случае успеха Гази-Гирей II мог говорить с Москвой с позиции силы как и его знаменитый отец летом 1571 года. Успешный поход неизбежно привел бы к активизации польско-литовской и шведской дипломатии на «крымском направлении». Однако ход событий привел Крымское ханство к поражению.

Причины поражения Гази-Гирея II лежат, главным образом, в военной плоскости и требуют специального рассмотрения, которое планируется осуществить автором совместно с А.В.Маловым при публикации в альманахе «Единорог» ряда источников, посвященных событиям лета 1591 года.

Стремительный отход крымцев после неудачного для них крупномасштабного полевого столкновения с вооруженными силами Русского государства на подступах к Москве, также как и отход орды Девлет-Гирея девятнадцатью годами раньше, имел огромные последствия для всей системы международных отношений в Восточной Европе и в Закавказье. Отметим, что при своем отходе за Оку, в отличие от своего отца, Гази-Гирей II не смог или не захотел послать к московскому государю гонца с мотивацией нападения. Это произошло значительно позднее уже после возвращения хана в Крым. Если добавить, что вернувшись в Бахчисарай, хан немедленно вызвал к себе из «жидовского города» И.Бибикова и объявил ему о скором «отпуске» (факт, не имеющий аналогов в истории русско-крымских «ссыллок»), то можно констатировать факт шока Гази-Гирея II от масштабной постигшей его неудачи.

Провал силового давления на Москву с которым сопредельные государства связывали далеко идущие планы, привел к пересмотру всей системы русско-крымских отношений и завершился, в конечном итоге, заключением русско-крымского мирного договора 1594 года, первого русско-крымского «докончания» за тридцатилетний период после договора 1564 г., заключенного посольством А.Ф.Нагого. В истории русско-крымских отношений начиналась новая глава.

Список источников и литературы

- Ivanis, 1994 – Ivanis Maria A. Krimi Kansag a tizenot eves haboruban. Budapest, 1994.
- Konopszynski, 1986 – Konopszynski W. Dzieje Polski nowozytniej –t I Warszawa., 1986.
- Lietuvos Metrika, 2009 – Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 593: (1585–1604). Diplomatinių reikalų knyga / Parengė A. Baliulis. Vilnius, 2009.
- Lietuvos Metrika, 2006 – Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 594: (1585–1600) / Diplomatinių reikalų knyga / Parengė A. Baliulis. Vilnius, 2006.
- Nagielski, 2010 – Nagielski M. Michal Iwanowicz Rozinski; Hetmani zaporoscy w sluzbie krola i Rzeczpospolitej. Warszawa, 2010.
- Бантыш-Каменский, 1862 – Бантыш-Каменский Н.Н. Переписка между Россией и Польшею. Ч.2. М., 1862.
- Белокуров, 1889 – Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом Материалы извлеченные из Московского Гл. архива МИД. Вып. I (1578–1613). М., 1889.
- Беляков, 2011 – Беляков А.В. Чингисиды в России XV–VII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011.
- Виноградов, 2006 – Виноградов А.В. Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник 2005. Тюркские народы России и Великая степь. М., 2006. С.26–73.
- Виноградов, 2010 – Виноградов А.В. «Московская партия» в Крыму в 70–90-х гг. // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). Нижний Новгород, 2010. С.403–416.
- Виноградов, 2010а – Виноградов А.В. Русско-крымские отношения в 1570–1590-х гг. в контексте династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства: Сб. статей. Вып.2. Казань, 2010. С.274–299.
- Виноградов, 2011 – Виноградов А.В. Мурад-Гирей в «Астрохани». К истории политики России на Нижней Волге и на Кавказе в 1586–1591 гг. // История народов России в исследованиях и документах. Вып.5. М., 2011. С.142–187.
- Восточная, 2009 – Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сб. статей. Казань, 2009.
- Гайворонский, 2007 – Гайворонский О. Повелители двух материков. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Т.1. Киев; Бахчисарай, 2007.
- Казы-Гусейн, 2005 – Казы-Гусейн Фарах Адиль. Осmano-Сефевидская война 1578–1590 гг. Баку, 2005.
- Новосельский, 1948 – Новосельский А.А. Борьба московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.
- Памятники, 1890 – Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Ред. Н.И.Веселовский. Т.1. СПб., 1890.
- ПСРЛ, т.14 – Полное собрание русских летописей. Т.14. СПб., 1910.
- РГАДА. Ф.79 (Сношения России с Польшей). Оп.1. Ед.хр.20.
- РГАДА. Ф.123 (Сношения России с Крымом). Оп.1. Ед.хр.1, 2, 5, 10, 12, 16, 17, 18, 19.
- РГАДА. Ф.127 (Сношения России с Ногайской Ордой). Ф.127. Оп.1. 1586 г. Ед.хр.13.
- РГАДА. Ф.389 (Литовская Метрика). Оп.1. Ед.хр.593, 594.
- РК, 1966 – Разрядная Книга. 1475–1598. М., 1966.
- Смирнов, 2005 – Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. Т.1. М., 2005.
- Соловьев, 1989 – Соловьев С.М. История Российская. Т.VII. М., 1989.
- Статейный, 1891 – Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 гг. / Публ. Ф.Лашкова // Известия Таврической ученой архивной комиссии. №14. Симферополь, 1891. С.43–80.
- Трепавлов, 2004 – Трепавлов В.В. «Казыев улус». Тюрки Северного Кавказа в позднем средневековье // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 1. М., 2004. С.6–49.
- Флоря, 1978 – Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978.
- Щербатов, 1904 – Щербатов М.М. История российская. Т.VI. СПб., 1904.
- Юзефович, 2007 – Юзефович Л.А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007.